

Сейед Мехди Шоджаи

Грядёт ещё одна буря

Иранская мозаика

Сейед Мехди Шоджаи
Грядет еще одна буря

«Садра»

УДК 821.222.1-31
ББК 84(5Ирн)-44

Шоджаи С.

Грядет еще одна буря / С. Шоджаи — «Садра», — (Иранская мозаика)

[Жизнь – вещь непредсказуемая. Успешный предприниматель и уважаемый благотворитель Хадж Амин и представить себе не мог, что развернутая им в родном городке кампания по скупке старых домов, на месте которых он планировал построить новую школу, обернется неожиданной и шокирующей встречей с его собственным прошлым, пролетит свет на судьбу сына, пропавшего много лет назад, и заставит кардинальным образом пересмотреть многие свои убеждения и отношение к людям...Для широкого круга читателей.](#)

УДК 821.222.1-31

ББК 84(5Ирн)-44

© Шоджаи С.
© Садра

Содержание

О серии	6
От издательства	7
Глава 1. Ветер	8
Глава 2. Гром и молния	12
Глава 3. Град	17
Глава 4. Буря	21
Глава 5. Дождь	30
Глава 6. Наводнение	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сейед Мехди Шоджаи Грядет еще одна буря

© ООО «Садра», 2015

О серии

Иран. Одна из самых загадочных стран земного шара... Какие ассоциации вызывает это название у среднестатистического россиянина? «Иран? Что-то закрытое, за семью замками и, кажется, страшное. Бесправные женщины, фундаменталисты, ядерная программа...» – «Да нет же, Иран, Персия...» – «Ах, Персия... да... ковры, шахские гаремы, сокровища Али-Бабы...»

К сожалению, подавляющее число наших соотечественников черпают информацию об Исламской Республике Иран исключительно из средств массовой информации.

Между тем, вопреки расхожим стереотипам, Иран – это современная, цивилизованная страна с высочайшим уровнем науки и культуры. Страна, подарившая миру величайших поэтов: Омара Хайяма, Хафиза, Фирдоуси, Саади. Страна, запускающая в космос спутники и владеющая нанотехнологиями и мирным атомом. Страна, где женщины пользуются всеми конституционными правами и занимают видные руководящие посты в правительстве и бизнесе. И без преувеличения можно сказать, что мудрые и жизнелюбивые иранцы – самый гостеприимный народ на свете!

Пора бы уже подобрать ключи к «семи замкам» таинственности и недомолвок и распахнуть русскому человеку двери в истинный, невыдуманный Иран. А чтобы понять жизнь другого народа, нет ничего лучше, чем взглянуть на неё изнутри. И в этом, несомненно, первостепенную роль играет художественная литература.

Сейчас у русскоязычных читателей появляется прекрасная возможность окунуться в завораживающий мир иранской действительности.

Издательство «Садра» представляет серию книг «Иранская мозаика». Данная серия будет включать романы современных иранских авторов на самые разные темы: здесь найдутся и бытовые зарисовки, и юмористические рассказы, и политическая сатира, и, конечно же, повествования о любви. Каждая из этих книг подобна яркому, красочному изразцу, украшающему купола роскошных старинных мечетей, а все вместе они, подобно кусочкам мозаики, составляют огромное разноцветное полотно динамичной, многогранной жизни иранского общества. Прочитайте их, проникнитесь духом этой прекрасной, древней и вечно юной страны. А потом приезжайте в Иран – и вы увидите, что действительность превзойдёт ваши самые радужные ожидания!

Счастливого пути, друзья!

От издательства

Жизнь – вещь непредсказуемая. Успешный предприниматель и уважаемый благотворитель Хадж Амин и представить себе не мог, что развёрнутая им в родном городке кампания по скупке старых домов, на месте которых он планировал построить новую школу, обернётся неожиданной и шокирующей встречей с его собственным прошлым, прольёт свет на судьбу сына, пропавшего много лет назад, и заставит кардинальным образом пересмотреть многие свои убеждения и отношение к людям...

Роман известного иранского писателя Сейеда Мехди Шоджаи «Грядёт ещё одна буря» – это тонкое, лиричное рассуждение о том, как даже самое незначительное событие способно перевернуть жизни многих людей. В центре сюжета – судьба юноши, отвергнутого отцом и пригретого чужими, казалось бы, людьми, ставшими юному изгоя родными и близкими. Но к этому ядру повествования читатель подбирается не сразу: автор искусно сплетает канву из многочисленных событий, на первый взгляд, почти не связанных между собой, однако в итоге оказывающихся частями огромной многоцветной мозаики человеческих судеб. И как символична радуга, встающая в финале над героями романа! Буря пронеслась и утихла, над миром снова встало солнце, а значит – новая надежда и новая жизнь...

Глава 1. Ветер

Насколько помнит Хадж Амин, он сказал лишь одно: «Не сводите меня с этой развратницей!» А когда инженер Сайф заметил: «Это все уже в прошлом», – то Хадж Амин спросил: «А откуда это известно?» Хадж Амин твердо помнит только до этих слов, но вот того, что он сидел и что-то сочинял за спиной у Зейнат-ханум, – этого не помнит. Несколько дней назад он, обернувшись к остальным, высказался о ее доме: «Разве этот дом стоит больше двух миллионов?» Все присутствующие отрицательно покачали головами, и инженер Сайф ответил: «От силы будет миллион восемьсот тысяч». Получив всеобщее одобрение, он ударил кулаком об стол, вскочил и сказал: «Хорошо, да заберет она три миллиона и гнев свой поубавит!»

Хадж Амин и не помнит, что говорил что-либо, помимо этого, за спиной у Зейнат-ханум. Напротив, то были самые первые слова, и чаще всего так говорили другие, а не он сам. Откуда было знать Хадж Амину, кем раньше была Зейнат-ханум и чем занималась в прошлом. Даже если он и разглагольствовал о том, что от плохого дерева нечего ждать хорошего приплода, – то ведь все это он слышал от людей, ничего сам не придумал. Когда по кварталу пронесся слух, что Хадж Амин скупает по неплохой цене дома в округе для строительства школы, пришли все жители квартала, чтобы поручить ему продажу своего жилья, за исключением Зейнат-ханум. Были даже те, кто жил на другой стороне; и они тоже пришли к Хадж Амину ради участия в таком добром деле, изо всех сил умоляя его: «И мы тоже даем вам поручение!»

Но вот Зейнат с самого начала твердо и решительно заявила: «Нет!» – и настояла на своем. Когда люди слышали об этом, то выудили все старые слова, припрятанные по закромам, и пустили их по кругу: «А, это та самая, что плясуньей была? Распутницей? Сама без роду без племени, да еще и против строительства школы?»

Такие кривотолки передавались по секрету, шепотом и наконец достигли ушей Хадж Амина. Затем все те же жители квартала выступили посредниками, но Зейнат-ханум по-прежнему отнекивалась. Сам инженер Сайф ходил к ней не меньше пяти раз.

В конце концов Сайф сказал: «Хадж Амин, я схожу еще раз, но если она и тогда не согласится, прибегнем к силе!»

Однако Хадж Амин был с этим не согласен: «Силой – ни в коем случае! Мы же хотим совершить благое дело, а не чтобы нам в спину плевали да нас проклинали!»

«Кто же будет плевать и проклинать? Все же согласны!»

«А какая разница? Иди-ка да попытайся ее укротить, говори с ней на любом языке, который знаешь».

Но когда инженер Сайф сказал: «Ну, Зейнат-ханум, скажите же что-нибудь. Ведь ваше «нет» – не ответ», – Зейнат-ханум подняла голову и промолвила: «Я скажу лишь одному Хадж Амину!»

«То есть вы сами изволите прийти к нему?»

«Нет, пусть он сам сюда пожалует».

Вот так и случилось, что Хадж Амин закричал: «Не сводите меня с этой развратницей!»

«Я все думаю о том, как это ты, со всей своей ученостью, с этой женщиной не совладал?»

«Хадж Амин, Пророком клянусь, говорил с ней всеми способами и языками, какими только владею, сказал: «Я ведь не только советник Хадж Амина, но и его доверенное лицо, все равно что сын его, и все, что ты мне поведаешь, словно ему самому скажешь. Хоть слово скажи, я ему передам и ответ доставлю». Она сидела как глухонемая и больше ни словечка ни сказала... Теперь очередь за вами: хоть на один миг зайдите туда, и дело с концом».

«А люди-то что скажут? Разве не будут говорить: Хадж Амин отправился к публичной женщине, посидел у нее, а потом встал и ушел?»

Вплоть до этого момента Хадж Амин ясно помнит, что сказал эту фразу: «Отправился к публичной женщине, посидел у нее, а потом встал и ушел».

Он слышал и то, что сказал инженер Сайф: «Что это вы говорите, Хадж-ага?! Все люди с вами общаются, почитают вас, и никто вас не избегает. Это все уже в прошлом».

Но он все никак не сдавался и гнул свое: «А откуда это известно?»

И даже сейчас, когда он об этом думает, то замечает, какой глубокий смысл был в его словах «А откуда это известно?» и что Зейнат-ханум права, когда говорит: «Хадж Амин, вам-то хорошо за нашими спинами сочинять!»

Хотя он и отвечает: «Что это еще за слова такие, ханум?»

Но сам прекрасно осознает, что эти слова, то есть: «Ты-то все еще такая же, как раньше, что бы люди ни говорили о том, что ты изменилась да покаялась, все это чепуха...» – означают: «Что за дурная клевета?»

Бессознательно он начинает говорить вслух: «Но вы же простите, ханум?»

«Я прошу, Хаджи! Один человек – и столько в нем злорадства! Садитесь, прошу, я пока чай принесу. И вы присаживайтесь, господин Сайф!»

Хадж Амин поневоле присел. У него было такое ощущение, будто комната описывает круги вокруг него. Ему никогда бы и в голову не пришло, что Зейнат-ханум при первой же встрече с ним повторит его же слова!

«И как же она узнала о том, что он говорил? Ведь никто, кроме самых приближенных, вроде инженера, не слышал этого, да и они тоже не из тех, кто треплется на каждом углу.

Выведать что-либо о подобных визитах и получить такие сведения, должно быть, нелегко. За внешностью этой женщины скрывается совсем другой мир».

«Мир, Хадж Амин?» – то был голос Зейнат, донесшийся из комнаты по соседству с кухней, а потом показалась и она сама с подносом чая. Маленький золотистый поднос с зубчиками справа и слева, две хрустальные чашки с блюдцами и сверкающий, словно агат, чай. Зейнат держит одной рукой поднос, а другой придерживает на себе голубую чадру в цветочек, так что вместо ног видны лишь ее голубые тапочки на ковре.

Глядя на лицо Зейнат, Хадж Амин испытывает неясное чувство, что оно знакомо ему, может быть, она похожа на какого-то близкого друга, но сколько он ни напрягает память, никого конкретно не может вспомнить.

Своим самообладанием и зрелостью она напоминала пятидесятилетнюю, но, судя по блеску в глазах и свежести лица, было ей никак не больше сорока. Даже тридцать семь – тридцать восемь, и то с натяжкой... Но до чего же она хорошо сохранилась! Ни единой морщинки на лице. И лицо у нее ни смуглое, ни белое. Словно вобрало в себя и изящество смуглости, и красоту белизны. Матовые тени вокруг карих глаз делали ее еще краше. Лицо соразмерное, не костлявое, ничего лишнего, что портило бы его миловидность. Губы не маленькие, но изящно очерчены, брови же – широкие, вытянутые. До чего же прекрасный вид они придавали лицу!

Зейнат ставит поднос с чаем рядом с одеялом, на котором сидят Хадж Амин с инженером, плотнее стягивает на себе чадру и опускается на колени. Кутание Зейнат в чадру внезапно приводит Хадж Амина в чувство, и он осознает, что изумленно взирает на нее.

Зейнат берет с подноса чай и ставит перед своими гостями.

Должно быть, его до такой степени увлекло то, что она выглядит так молодо.

«До чего же, женщина, ты молодо выглядишь при твоём-то прошлом!»

Ее голос и угощение колотым сахаром привели его в себя.

«Мир, Хадж Амин! Еще столько в нем для нас секретов!»

Хадж Амин берет кусок сахара и тут же чувствует, будто его ударили в самый мозг. Пауза. Он медлит, споря сам с собой, но не может скрыть своего изумления.

«Вы словно сердце человеческое исследуете!»

От этого разговора Сайф вздрагивает, а Зейнат с милой улыбкой отвечает:

«Не думай, что любые заросли пусты... ведь в них может быть...»¹ После недолгой паузы она продолжает: «Чай ваш остыл, отведайте».

Хадж Амин берет чашку слегка трясущимися руками и подносит ко рту. Аромат чая щекочет его ноздри, он медленно выпивает все до последней капли и ставит чашку на пол. Про себя он думает: «Вот если бы я захватил с собой сигареты «Эшно», они бы пришли мне на помощь в этом конфузе». Повисает тяжелая пауза, и Зейнат поднимается под тем предлогом, чтобы принести фрукты, и говорит: «Хадж Амин, сигарет «Эшно» нет, но есть «Винстон», если такие курите, я принесу».

Хадж Амин, словно желая поймать Зейнат за руку и усадить, привстает с колен и говорит: «Присядь, Зейнат-ханум! Я же в этом не разбираюсь!»

Сайф застыл с чашкой чая в руке, так и не поднеся ее ко рту. «Что это сегодня вечером Хадж Амин ведет себя будто безумный? Словно его подменили!»

«Что такое, Хадж Амин, в чем вы не разбираетесь?»

У Хадж Амина нет ни возможности ответить на вопрос Сайфа, ни настроения, ни духу поведать о том, что с ним происходит с того момента, как они вошли в этот дом.

«Пойду-ка я принесу фруктов, еще чего-нибудь, сейчас вернусь. А вы, Хадж Амин, попытайтесь совладать с собою».

Ответ Зейнат лишь обостряет изумление Сайфа:

«Хадж Амин, а вы скажете мне, что здесь происходит?»

Хадж Амину передается его смятение: «Ты думаешь, я сам понимаю?! Я даже забыл, для чего мы сюда пришли!»

«Я-то думал, что я лишь посредник в вашем знакомстве с Зейнат-ханум. И теперь не говорите, что...»

«Что что? Что раньше мы учились в одном классе или работали вместе?! Ты явно обалдел побольше моего, инженер».

Возвращается Зейнат, неся блюдо с фруктами, несколькими тарелками, пепельницей, спичками и упаковкой сигарет. Еще не присев, сразу же переходит к делу: «Ну что ж, вы пришли сюда спросить, почему я не готова дать вам поручение на продажу дома ради благого дела. Так?»

Тут заговорил Сайф: «Ну да, верно».

Хадж Амин вмешивается в разговор и берет инициативу на себя:

«Нет. Мы не для этого пришли. Разумеется, у нас был и этот вопрос. Но сейчас мы здесь по другой причине».

Зейнат невозмутимо отвечает: «Итак?»

И Хадж Амин, не обращая внимания на изумление Сайфа, продолжает: «Я хочу понять, как вы тут оказались?! Это для меня сейчас намного важнее. Потом уже я спрошу и о доме, и о поручении, и о благом деле».

Зейнат с нежной, чуть насмешливой улыбкой на губах отвечает: «И вы непременно хотите знать это прямо сейчас?»

Хадж Амин не может найти, что ответить ей. Но тут опять вмешивается Сайф: «А можно, вы и со мной поделитесь, в чем тут дело?»

Зейнат отвечает:

«Если он захочет, то может прийти сюда в следующий раз один и услышать ответы на все свои вопросы, а уж затем и вам расскажет, если сочтет нужным».

Совершенно произвольно Хадж Амин произносит: «То есть?»

Зейнат раскладывает ножи и вилки на тарелках: «То есть прошу отведасть фруктов».

---

¹ «Не думай, что любые заросли пусты, ведь в них может быть спящий леопард» – строки из поэмы персидского поэта Саади, ставшие известной поговоркой.

Хадж Амин в нетерпении отставляет тарелку в сторону и привстает на колени: «Я не смогу терпеть до другого раза. Все должно разъясниться прямо сейчас».

Зейнат твердо и хладнокровно отвечает: «Во-первых, никаких «должно»! И если я не захочу говорить, никто не сможет меня заставить – это во-вторых!»

В отчаянии Хадж Амин перебивает ее: «Нет, когда я сказал «должно», то имел в виду не принуждение, а просьбу».

Зейнат продолжает:

«Тогда вы можете попросить господина Сайфа подождать в машине, пока мы его не позовем в случае необходимости. Для разговора у меня найдется время».

Хадж Амин многозначительно смотрит на инженера, и тот, понимая, что он здесь лишний, поднимается, пытливо и нерешительно глядит на Зейнат и Хадж Амина и произносит: «До свидания».

Глава 2. Гром и молния

Теперь, должно быть, лет пятнадцать прошло с тех событий, но ты не можешь утверждать, что забыл о них или не все припоминаешь, ибо события той ночи врезались тебе в память, стали частью тебя и изменили твою жизнь.

Потому только слушай и молчи. Хочешь верь, хочешь не верь, удивляйся или в обморок падай, я даже специально на этот случай принесла тебе подслащенную воду. Но только не задавай вопросов, не прерывай цепь моих воспоминаний, я сама поведаю тебе обо всем от «а» до «я».

Шемиран² тебе хорошо знаком. До развилки двух дорог у Галхака³ есть небольшой переулок. Вспомнил? Если пойти по тому переулочку, то в глубине его, на пятой двери слева, будет табличка с номером дома сорок восемь.

Там был большой сад. Теперь уж и не знаю, что с ним нынче. Оказавшись во дворе, ты мог увидеть строящуюся дорожку, что была не из асфальта или земли, а из камня. Все булыжники были плоские, чистенькие, один к одному, словно каждый промыли и в землю уложили.

По обеим сторонам дорожки на равном расстоянии были высажены деревья: яблони, груши, черешни и абрикосы. Кое-где из земли выступали небольшие холмики, покрытые куртинками ирисов: каждый холмик пестрел каким-то одним цветом.

Имелись тут и арки с беседками, обвитые со всех сторон диким шиповником.

А в конце двора был большой пруд с чистой прозрачной водой и фонтанами по обеим сторонам.

В тот вечер поверхность пруда была покрыта розами, колыхавшимися на воде от плеска фонтанов.

Все это составляло часть пейзажа, обрамлявшего дом, находившийся в самом конце сада, за прудом. Хоть дом и был одноэтажным, но стоял на пригорке, так что из него был виден весь сад.

В саду, в зале, в комнатах – повсюду были расставлены столы и стулья, кроме веранды перед домом, на которой стояла каменная скамья. Скамью эту покрыли розовым бархатом, а вокруг нее поставили стулья для музыкантов. А посредине выделили мне место для пения и танцев!

В тот вечер с меня взяли слово четыре часа петь и танцевать и один час забавлять своими шутками жениха.

Не удивляйся! Никто, кроме жениха и двух-трех его друзей, ничего не знал об этом. Да и тех двоих сам жених посвятил в курс дела, чтобы они были его свидетелями и потом подтвердили, что он не лжет, если вздумает рассказать кому-нибудь.

Не наше это дело знать про то, почему в тот вечер жених хотел, чтобы я забавляла его на свадьбе. Так, обиняками, скажем лишь, что невеста его была из семьи придворных, и ее за него насильно выдавали. Да и сам он не был доволен этим браком и потому хотел хоть как-то это компенсировать или, скажем, отомстить. А затем, вероятно, рассказать друзьям и похвастаться.

По уговору за праздничным столом жених должен был как бы случайно испачкаться и под предлогом того, что ему нужно переодеться, покинуть невесту и гостей, а потом пойти ко мне. Я же пошла в пустую комнату на другой стороне двора сменить одежду.

---

² *Шемиран* – название городка, примыкающего на севере к Тегерану. В наши дни он стал одним из районов столицы, но во время написания романа это был один из шахрестанов (единиц административного деления Ирана).

³ *Галхак* – еще один небольшой городок к северу от Тегерана, ныне вошедший в состав столичной территории.

Когда я явилась, все гости уже были на месте, а жених с невестой сидели в лодке на пруду и обменивались любезностями с присутствующими, что стояли вокруг пруда.

На самом деле мое появление привело к тому, что все собравшиеся смешались между собой, и оставшуюся часть церемонии знакомства решили провести уже после моего выступления. Я поднялась на веранду.

А кстати, ты, Хадж Амин, в те времена не был еще ни хаджи, ни Амином. Тогда ты стоял на западной стороне пруда, рядом с отцом жениха, и разглядывал меня с самыми добрыми намерениями.

Не скажу, что то был ты сам, то было благоразумие твое, которое и поныне в тебе есть и иногда тобой командуешь.

На мне было черное облегающее платье из шелка, в действительности ничего не прикрывавшее, и белая накидка без рукавов поверх него. Накидка была с бахромой и ниспадала до самых пяток, а концы бахромы соединялись в кольцо вокруг шеи.

Я все еще храню то черное шелковое платье и белую накидку. Я иногда кладу их перед своим молитвенным ковриком и рыдаю.

Говорю себе: «Несчастливая, это была ты! А Господь взял тебя за руку и спас!»

На самом деле это платье не закрывало тело, оно было, по сути, обнаженным. Каждый раз, стоило мне повернуться, бахрома от накидки развеивалась, и я сама осознавала, какой эффект это производит.

По острым, как вилка, взглядам женщин я понимала, что творится в сердцах их мужей. Те женщины сами не были заморожены, но некоторые восторгались по-настоящему.

Это не предмет моей гордости – скорее, позора. Но я продолжу, чтобы ты знал, в какой грязи я барахталась и откуда начинала, пока не оказалась здесь. Но ты, конечно, знаешь, и хорошо знаешь это. Мы с тобой помним больше, чем кто-либо еще, о том, какое у нас было прошлое.

С начала выступления прошло около часа. Присутствующие, поглощенные восторгом и страстью, все так же настойчиво просили меня танцевать, и я, вся мокрая от пота, продолжала.

Купюры, принесенные ими, чтобы осыпать невесту, по большей части в первый же час были брошены мне под ноги. Кто-то, то ли захмелев, то ли от возбуждения, выписывал чеки и посылал мне прямо на сцену.

Да и ты сам, если помнишь, выписал чек на двадцать тысяч туманов и отправил его, но когда дело дошло до критического момента, взял обратно. И из-за того самого чека ты закрыл свой счет в банке «Садерат». У меня все еще хранится тот чек. Я сохранила его как раз ради такого дня. Он под одеялом, на котором ты сидишь. Можешь взять и посмотреть. Нет, не сейчас, а потом. А сейчас слушай меня.

Я была в центре внимания всех присутствующих, и никто не замечал, как один возбужденный юноша пробирается сквозь кусты и потихоньку проталкивается вперед. Но я видела. Со сцены мне было видно, с каким страхом он озирается по сторонам, как осторожно ступает.

Самым примечательным в нем, тем, что сразу бросалось в глаза, была его одежда: грязная, поношенная. Затем – его ошеломленный вид, растрепанные волосы, кое-как выбритое лицо.

Запястья ниже края рукавов, локти и колени его были поранены и выпачканы землей. По всему было видно, что он предпочел не входить в дверь, а перелезть через стену, чтобы попасть в дом.

Очевидно, никто пока его не заметил. В доме, где даже самые обычные слуги носили форму, его облик напоминал жуткую заплату на одежде, вызывающую ужас и изумление.

Я же, прекрасно владея собой, не отрывая от него глаз, продолжала свою работу. Имея за плечами многолетний опыт, я научилась не теряться и не растрачивать себя впустую даже перед пьяными, головорезами и всеобщим разгулом.

Когда парнишка подошел к самому пруду и оказался за спиной у гостей, взгляд его упал на меня, точнее сказать, я завладела всем его вниманием.

Когда я говорю, что завладела его вниманием, я не имею в виду, что тебе легко будет это понять. Ни тебе, ни кому бы то ни было еще понять это невозможно.

Теперь-то это все в прошлом, и я, по милости Божьей, от всего этого далека. Но есть такие вещи, которые вы, мужчины, никогда не сможете понять или почувствовать.

Мы, женщины, чувствуем, каким тяжелым взглядом глядят на нас мужчины, даже если не видим самого мужчины или его глаз. Это аксиома, не требующая доказательств. Однако взгляд взгляду рознь, они могут различаться как небо и земля.

Иногда мужчина так посмотрит, что по телу и душе словно легкий ветерок или благоухание пройдет. Такому взгляду хочется всю себя отдать.

Но есть и такой взгляд, тяжесть которого невыносима, он словно груз на душу давит. Тогда хочется свалить с себя эту тяжесть и высвободиться из-под нее.

Взгляд порой скребет по лицу, как кошачий коготок, а иногда кусает, словно змея.

Но взгляд того паренька не походил ни на один из них. Он смотрел так, как смотрит ястреб-стервятник, и тяжесть его когтей на своем теле ощущаешь еще до того, как он тебя сцапает. Ястреб-стервятник – это я вежливо выражаюсь, ведь в тот момент я чувствовала себя падалью – добычей, что подвернулась ему.

А то, что сейчас вертится у тебя в голове, но ты не намерен произносить вслух, – это то, как же так получилось, что кто-то под огнем всех этих жадных взглядов осмелился смотреть на меня как хищник на добычу.

Однако меня не беспокоит то, что ты порой будешь это отрицать. В конце концов сам же признаешь. Как я говорила, у паренька был странный вид, который с каждой минутой становился еще более странным.

Но все произошло не сразу, а постепенно. И я ясно видела и ощущала, как это развивалось.

Представь себе томимого жаждой, который не час-другой и даже не день-другой, а несколько лет испытывал жажду и сейчас вдруг подошел к воде, хотя нет, это не он подошел к воде, а вода в паре шагов от него, и он не может сделать глоток.

Вообрази, что он связан по рукам и ногам, и перед ним бьет фонтан с прохладной водой.

Всем своим существом я почувствовала, что движения моего тела – словно танец воды в фонтане, который еще сильнее разжигает жажду его сердца – похоть.

О, если бы в его глазах читались только похоть и жажда или гнев и злость, – все это присутствовало в них, но не только это. Было кое-что еще, что брало за душу, плавило и испепеляло сердце. То была униженная мольба, томление, словно он весь превратился в просьбу, в желание. Именно это и вызвало у меня сострадание, преобразило меня. Если бы в тот момент он захотел иметь все, что у меня было, все деньги и богатство, – я бы отдала ему. Но он не хотел ни денег, ни богатства – он хотел иного. В тот миг я решила, что дам ему это, и только ради Господа.

Конечно, тебе будет трудно понять это. Тогда и другим было невозможно понять.

Женщины вроде меня шли на все ради того, чтобы выйти в люди, возвыситься, приблизиться ко двору. Но если в нашей среде кто-то заговаривал о любви и чувствах, то над этим смеялись. И надо мной тоже потом смеялись. Никто не может понять, сколько насмешек и злорада мне пришлось вытерпеть. Один из моих друзей позвонил мне через несколько месяцев и сказал: «Только один поцелуй. Ради больного».

Но все эти слова ничего для меня не значили.

Я ведь приняла такое решение только ради Господа. Но и Он поверил мне и дал согласие. И вот уже десять лет, как я пожиная плоды того согласия.

Я все это рассказываю потому, что для меня это решение в тот момент и при тех обстоятельствах имело большое значение, но если я сейчас совершу какой-нибудь опрометчивый шаг, Господь так меня накажет, что конца и края этому не будет.

Вероятно, прошло минут двадцать – двадцать пять, а парнишка все стоял, изумленно глядя на меня, затем ноги у него подкосились, и он опустился на колени на землю. Я же, кружась в танце, поднялась еще выше на сцене, чтобы заодно видеть, в каком странном состоянии он пребывал.

Он, словно роженица, скрутился от ужасной боли, и на лбу его пролегла морщинка, а по вискам стекал пот. Все лицо его сжалось, и неопишуемая синева покрыла его. Он заскреб руками по земле, выложенной булыжниками, набрал горсть камней, неожиданно вскочил, прижимая их к животу левой рукой, а правой взял один камень и со всей силы запустил в мою сторону, затем еще один, и еще...

Все головы повернулись назад, и гости кинулись врассыпную. Но в меня не попал ни один камень, ибо я видела, как тот паренек их бросает, и определила, в каком направлении они полетят. Я сказала на ухо высокой коренастой скрипачке, что сидела в левом углу сцены: «Пойди к этому юнцу и скажи: “Такая-то сегодня ночью будет твоей, только успокойся!”»

Она изумленно поглядела на меня и сказала:

«Ты ведь это не всерьез?»

Я закричала на нее: «Молчи! Иди и можешь передать остальным. Если захотите, концерт продолжится, но не трогайте того парня!»

Я сделала знак остальным музыкантам, чтобы они продолжали, и сама тоже продолжила выступать.

К присутствующим вновь вернулось спокойствие. Правда, с той разницей, что время от времени они оборачивались назад и с удивлением взирали на паренька, который уже присмирел. Разница была и в том, что ты тогда поднялся со своего места и тихонько стал подбираться к нему.

Видя твое лицо, пылающее от гнева, и выкатывающиеся из орбит глаза, он не на шутку испугался, ты же схватил его за руку, чтобы выпроводить из дома. И он либо в надежде на мое обещание, либо из страха, что ты его накажешь, вцепился в землю и не двигался с места.

Ты оказался в неловком положении и хотел выпроводить его так, чтобы никто из гостей не заметил, но этого не вышло, и ты опасался, что он устроит скандал.

Я дождалась аплодисментов публики и через ту же скрипачку передала тебе послание, чтобы ты отпустил его и вернулся на свое место. Ты согласился, но начиная с того момента твой гневный взгляд был обращен на меня, и ярость со злобой постепенно вытеснили твое восхищение.

Первое отделение концерта подходило к концу, и я была уверена, что во время паузы тот паренек придет в себя. Я всех развеселила, заставила двигаться, танцевать и сказала скрипачке, чтобы она достала ключи из моей сумочки и усадила юношу в мою машину.

Услышав мои слова, скрипачка судорожно вздрогнула. Когда же она убедилась, что я намерена уйти, стала умолять: «Ханум, сегодняшней праздник удался только благодаря вам, если вы себя не жалеете, то хотя бы нас пожалейте!»

Но как бы то ни было, я отослала ее, и она ушла. Я же довела до конца первое отделение концерта.

В доме накрыли столы, и пока гости готовились к ужину, я под предлогом того, что мне понадобилось что-то взять из машины, улизнула и помчалась к автомобилю.

В то же время, помимо всех моих опасений, мне было жаль жениха, ведь ночью ему, несчастному, предстояло отправиться в покои новобрачных.

Парнишка приютился на краю сиденья машины и смотрел на меня словно мышь, что намерена напасть на кошку. Но, конечно же, этот взгляд и подобное ощущение были недол-

гими. Он, скорее всего, заметил, что даже если я и не больше его обезумела, то уж никак не меньше. И потому совершенно неожиданно он присмирел, откинулся на заднее сиденье, словно спасенный от страшной опасности, глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

Глава 3. Град

До чего же ты, женщина, смелая! До чего бесстрашная! Нет, не просто бесстрашная, надо сказать, – он говорил на уличном жаргоне, – ты благородная, прям не могу! Ты мне настолько нравишься, что хочу ораву детей от тебя родить. Я мужик?! Ладно. Однако на самом деле мужик – это ты, еще побольше моего. Я в жизни не видел ни одного мужика, подобного тебе по храбрости, что уж о женщинах говорить!

Ей-богу! До чего славно ты всех этих подлых гостей провела. Я их всех знаю. Один презреннее другого, плут плутом погоняет. Выжми их – ни одной капли ума из них не потечет. У них у всех крыша дырявая.

Я так тебе благодарен, что ты их свадьбу омрачила. Теперь до утра они арак будут пить, буянить и к женам друг друга приставать.

Словно все они для того и родились, чтобы нежиться да как свиньи сладко есть да спать.

Они мне говорят, что я сумасшедший, но что от тебя греха таить, у всех у них мотор не заводится. Мозги камнями набиты. Скажешь, не так? Да хоть убей!

Доктор сказал мне: «Ты охвачен сексуальным наваждением». Я только не понял, что это такое. А они не понимают?

Заперли меня в одной комнате, чтобы я ни с кем не общался. Мы раньше бедные были. Ванной у нас дома не было. Я до шести-семи лет с мамашей ходил в женскую баню. Ну, то есть со своей мамой.

Отец мой своими делами занят был, и маме было поручено водить меня в баню. Она других женщин из себя выводила. Я в бане ничего такого особенного и не делал. Я что, сумасшедший, что ли, был, чтобы что-то такое затевать? Только предупреждения делал тем дамочкам, у кого слетало банное полотенце, или тем, что небрежно прикрывались. Ну, или на худой конец сам старался им помочь! Однако помощь эта впустую была. Если ты, скажем, медом и маслом руку себе намажешь до самого запястья и положишь на кусок хлеба, знаешь, как вкусно будет? Но только кто оценит?

Внезапно отец мой разбогател. До того самого момента мы все спали в одной комнате: и я, и отец с мамой, и сестра моя. До чего плохо было!

Доктор сказал: «Вот женится он, поправится». Но они вместо того, чтобы меня женить, заперли меня! Как будто некому было им сказать: «Ну и сумасшедшие вы! Женить и в карцер посадить – это разные вещи. Если бы не было никакой разницы, то все бы говорили: «Мы в тюрьму сели», а не «Мы поженились»!

Говорили, что отец мой со двором снюхался. Я не понял ничего. Но дом наш большим стал. Настолько большим, что мой карцер в нем даже целую комнату занимал. Я стал прямо как зверь в клетке. Мне наливали воду, еду оставляли и отправлялись по своим делам. Каким делам? Непонятно. Но я, по собственному же признанию, был намного умнее их всех.

Вот спроси меня, и я тебе скажу, что все люди безумны. Не дай Бог, если и ты тоже. Не сочти за дерзость, ты сама как луна на небе, и не место тебе в этом притоне. Ты – арендатор, с которого плату не берут.

Об этой свадьбе заговорили месяц назад. Я же не глухой, слышал, что все начали готовиться к ней. И не слепой я, видел сам. Говорил им: «Я тоже хочу свадьбу устроить!» Они мне отвечали: «Заткнись ты, сумасшедший!»

Отец и то меня коварным хитрецом назвал. Даже в сторону мою не глядел. Но только я не был коварным хитрецом. Что бы я ни делал, не становился таким. Я простаком был. Поэтому-то никто меня не понимал.

Мамаша моя не самая плохая. То есть мама. Только несчастная она, ничего у нее не получается. Парочка никчемных мы с ней. Да вроде бы и не совсем она такая. Зря она так о себе думает. Руль ведь в руках отца, который постоянно в бордюр врезается.

Если бы жизнь была такой, как машина, то стало бы ясно, насколько сложно жить без коробки передач. Стало бы ясно, что отец мой уже несколько раз перевернул свою жизнь, и мотор с капотом развалились.

Ну а ты останешься новенькой моделью без номерного знака. Машина целая и гладкая, словно невеста. Этот мир для тебя – словно временная переправа.

Все они готовы наряжаться и на свадьбе гулять. С них лоск капает. Больше всего женщины марафет наводят, но и некоторые мужчины тоже прихорашиваются. Я про отца своего говорю. Мужчины красотой не обладают, чтобы перед другими прихорашиваться! Красить волосы и брови выщипывать – женское дело, не мужское. Если отец мой мужчина, тогда зачем ему это делать? Даже мамаша моя, то есть мама, не красится как он! Вот сестра моя, Камелия, это другое дело! Она-то еще как суетится да штукатурку накладывает!

С самого утра берет шпатель, лопаточку, кисточку и давай накладывать, конопатить и очищать. То и дело смотрит на себя в зеркало и приговаривает: «Не, не хорошо».

Я раз сто уже отцу говорил: «Камелию ко двору не приглашай!» Ее рвет! Он никогда ни к чему не прислушивался. Но в глазах у него всегда была просьба. Однажды, когда у нее была уж очень сильная рвота, отправили ее за границу – операцию сделали. Поправилась потом, а толку-то? Через день опять та же история! Если разбилась чаша, то уж не склеишь! Но Камелия все кипела-кипела, да так, что через край полилась.

Это меня они заперли, а Камелию оставили. Это как привязать камень, а собаку выпустить. Так не только в школьных учебниках пишут. Прямо-таки распоряжение издали. Так везде было. Школьные учебники научили людей делу.

Камелия – это не настоящее ее имя. Коукаб ее звали. Помнишь, до чего замечательной женщиной была Коукаб⁴ в учебнике по персидскому языку! Вот и наша Коукаб до того, как мы разбогатели, прежде чем стать Камелией, отличной была девушкой. А как Камелией стала, испортилась.

Как и я сам, – когда еще Камалем звался, насколько лучше я был, чем потом, когда стал зваться Ками!

Каждому следует знать ценность того имени, которым нарекли его, и нельзя его менять. Если я не прав, скажи, что лгу! Я уж привык. Стоит мне правду сказать, говорят, что лгу.

Скажу честно – этим людям не стоит говорить правду. Они же правды боятся, а когда им врешь – им это по душе. Скажи какому-нибудь уроду: «Дорогой мой, луноликий мой!» Разве сердце его не растает от этих слов?

Когда я правду сказал, что свадьбу сыграть хочу, мне сказали: «Заткнись ты, сумасшедший!»

Но я через стену перелез и пришел сюда. Вообще-то одной ногой я угодил в фонарный столб. А как еще можно было перелезть через эту высокую, как крепость, стену?

Сначала я подумал, что когда я буду здесь, все уже окончится. Но когда я на стену залез и обе ноги перекинул, то понял, что это только начало беды. Я спрыгнул вниз с высоты. Такое дело мастеру по плечу, не новичку! Мастеру-акробату, что гимнастикой занимался и тело гибкое имеет! Я тоже когда-то очень хотел обучаться гимнастике, не нравилось мне быть таким вот коротышкой. Однако отец запретил мне даже нос наружу высовывать из своего карцера. Они считали, что я опозорю их имя. Да какое там имя?! Не было у них ничего, что я мог бы опозорить!

---

⁴ *Коукаб-ханум* – нарицательный персонаж, пример отличной хозяйки в учебнике по персидскому языку для второго класса начальной школы в Иране.

С занятиями по гимнастике их постигла неудача. Не позволили мне и пойти учиться в ремонтную мастерскую. Когда же я утомил их своими просьбами, привели мне учителя на дом.

Тогда я сказал: «Ну, а теперь и учителя гимнастики для меня приведите. Какую-нибудь даму, что сможет раскрыть мои способности». Но они этого не сделали. Их школьные учителя мне негодились. Один другого безграмотнее. Все они были еще более безграмотными, чем я сам. Все они приходили только за тем, чтобы ободрать моего отца как липку. Я, разумеется, договаривался с ними. Они мне отсыпали долю своей почасовой оплаты. Учебники мне тоже приносили. Я садился и сам читал их, а они посвистывали себе и за урок денежки забирали.

Я одному из них сказал: «Хочу пригласительный билет на свадьбу». Сафдари... не обучал меня математике. Он сначала повел себя нахально и сказал: «Это что, свадьба моей мамыши, что ли, чтобы я тебе пригласительный достал?»

Я ему ответил: «Ты столько денег себе забрал, что теперь должен расплатиться». А он: «Ну я же не одному себе забрал их, мы вместе забрали».

Я сказал: «Я всю свою жизнь расплачиваюсь. А сейчас твоя очередь. Во-вторых, мне стыдиться нечего, а вот тебе надо позаботиться о своей репутации».

Он ответил: «А, то есть ты хочешь меня опозорить?!» Я ему: «Другого выбора нет. Разве что в крайнем случае». Он мне: «Тебе для чего нужен пригласительный на свадьбу к таким важным персонам?»

Я ему не сказал. Если бы сказал, он пошел и выдал бы, и все бы пошло насмарку.

Говорю ему: «Мне для коллекции надо». А он: «У тебя разве есть коллекция пригласительных билетов на свадьбу?»

Я отвечаю: «Да, и преобладающая. Но это только начало ее, остальное еще не собрал». Он спросил: «А когда у тебя их много будет, что хочешь делать?» Я сказал: «Ну, ясно же. Выброшу их».

Он и говорит: «Да, недаром тебя сумасшедшим зовут».

Я ему так вежливо: «Учитель! Прошу, вы тут не городите почем зря. Все вы одним заняты. А когда до меня дело дойдет, говорите “сумасшедший”».

Он сказал: «Мы? Это мы-то собираем коллекцию, а потом выбрасываем? Каким надо быть ослон, чтобы так поступать!»

Я ответил: «Если бы это не было дерзостью, я бы вам сказал, что все вы то же самое делаете, и поэтому вы сами ослы. Всю жизнь копите деньги, а под конец ее все спускаете, с собой-то ведь ничего не унесете!»

Он не смог принести мне пригласительный, но адрес достал. Потому-то я и полез на стену. Если бы у меня был билет, ну тогда как все прошел бы через дверь. Я же не сумасшедший, чтоб так себя мучить! Все напасти на меня! Так вот, полез я на стену. И там-то, на высоте, озадачило меня, а как вниз спускаться буду?

Так я и сидел на стене, приунывший, не зная, что теперь делать. И тут вижу – из дверей гаража во дворе показался пикап с брезентовым чехлом...

Ты разве не слыхала? Бог однажды всем невеждам даст столько, что и сто мудрецов расстреляются! Это в учебнике написано было, что Он хотел, чтобы все невеждами остались.

Пикап поехал по стенке, а потом подал вперед. И когда он был уже совсем рядом, я зажмурился и прыгнул прямо на его брезентовую крышу. Я ведь готовил себя к тому, чтобы в котел с едой запрыгивать! К счастью, еды там не было. Если бы там еда была, то у меня бы все тело сейчас в ожогах было. Потом только по шуму сообразил: там была большая и очень красивая корзина цветов. Пока я на нее не свалился.

Прежде чем водитель спустился и понял, что к чему, я спрятался в уборной в конце сада и страх свой опорожнил. Ну и струсил же я! Не, ты не думай, что это я струсил перед теми слугами в форме, что перед дверью стояли! Нет! Только отца я боялся! Я подумал, если он разнюхает, что я тут, в лепешку расшибется, чтобы найти меня!

Кроме отца, больше никто не способен так меня мучить! Он словно этому на курсах обучался!

Не дай Бог, отец мой и тут нас выследит! А где это мы? Мы выехали из Тегерана?

Думаю, что это как раз и зовут путешествием. Ох, как же я истомился по путешествиям! Эти бесстыжие всегда сами ездили, а меня ни разу с собой не брали! Ого! Какие дома да деревья! Умру ради тебя за то, что меня повезла путешествовать!

Глава 4. Буря

Целых три дня он говорил и плакал. А я целых три дня терпела. За все те три дня он ни на миг не разлучался со мной, следовал за мной повсюду, даже когда я готовила еду. Я готовила – он говорил, я мыла посуду – он говорил, иногда даже помогал. Совершенно искренне и по-свойски.

Не спрашивай. Я сама все объясню. Уверена, что ум твой с той ночи и до этого момента тревожит сей вопрос, оставшийся без ответа: куда это мы, то есть я и Ками, отправились и где пропадали, да так, что ни ты сам, ни другие не смогли и следа нашего отыскать?

Меня искали и ты, и семья невесты, и семья жениха, и кое-кто из круга придворных по той или иной причине. Ваши мотивы и причины были самыми разными, но в одном вы все были едины – похожи на раненую змею.

Вы все вверх дном перевернули, и что бы ни пришло вам на ум, вы все пришли к одному и тому же выводу и поделились им друг с другом: она словно сквозь землю провалилась.

Ты, конечно, помнишь, что все старания и поиски через несколько дней пошли на убыль, и воцарились тишина и покой. А почему? Все потому, что в тот момент Господь наделил меня планом и помог достичь цели.

Не буду называть его имени – ты наверняка его помнишь – один очень знатный придворный, его фамилия одна из тысячи, незадолго до того безумно в меня влюбился. По ряду причин, из которых самой главной был страх перед вельможами двора Пехлеви, я не уступала ему, и мой отказ не только не охладил его, но и все сильнее разжигал огонь его страсти день ото дня.

Как раз в те дни я услышала, что кто-то, уж и не помню точно кто, отправился в Америку, где собирался пробыть несколько месяцев.

И я тогда сочинила и пустила слух о том, что такая-то – то есть я – по договоренности с таким-то полетела следом, но уже другим рейсом в Америку, где и проживает с ним.

Самое интересное – это то, что он не только это не отрицал, – то ли чтобы насолить сестре шаха, Ашраф, то ли чтобы хвалиться перед друзьями, – но и сам же раздувал этот слух, решительно подтверждая его.

Позволь мне, пока рассказываю, принести тебе чаю с пахлавой. До того как сюда прийти, ты сделал инсулиновую инъекцию, и сахар у тебя может упасть, а у меня нет настроения возиться с твоей комой.

Прошу! Поешь прямо сейчас! Не то твоё состояние испортит все то, что я скажу.

Поешь! И я расскажу, где мы укрывались.

Если Господь желает что-либо наладить, то Сам же готовит все необходимое для этого, чтобы человеку оставалось лишь изумляться и поминать Его милости.

До всех тех событий – дней за семь-восемь – я отправилась в Джабан, небольшую деревушку по ту сторону Дамаванда по шоссе Фирузкух. За эти годы там навели какой-никакой порядок, а в те времена это была глухая деревушка, где жили бедные да нищие.

Мы с моей служанкой, Маш Хадидже, временами туда наведывались, привозили рис, масло, все необходимое для нуждающихся. Разумеется, Маш Хадидже держала в секрете, что у нее там были родные и близкие, ну а меня там никто не знал. Я взяла с нее обещание, что она не раскроет никому, ни как меня зовут, ни откуда я. Она была надежной и умела хранить тайны. В свое время я о ней подробнее расскажу.

Но мое инкогнито, конечно, не полностью было ради Аллаха. Одна из причин его – напоминание о Боге – и та мне на благо была. Лицемерие лицемерием, но если в этом мире даже кирпичи будешь класть при всей славе, популярности и признательности – ничего, кроме лицемерия, в мире не останется. И благодеяния, чем больше их скрывать от посторонних глаз, тем больше они будут нетронутыми и чистыми. Другая же причина моего инкогнито, которая

имела мало общего с довольством Аллаха, заключалась в том, что если бы те люди поняли, что им помогает певичка и танцовщица, то обязательно отвергли бы эту помощь и не принимали ее.

Ну да ладно, слово за слово. Когда мы ездили в Джабан последний раз – то есть семь-восемь дней назад, я заметила, что один из жителей деревни из-за нужды хочет продать свой дом с садом за полцены, но никто не покупает его. Что за нужда такая была у него, не наше дело. В любом случае, иного пути, чем продать это имущество, у старика не оставалось.

Это было как раз в то время, когда я хотела с разбегу приобрести виллу в Рамсаре для отдыха и встреч с друзьями.

Место для нее я одобрила, и деньги собрала, и мы договорились заключить письменное соглашение.

Я говорила уже, Богу было неприятно, что тот несчастный оказался в нужде, тогда как я искала виллу для приятного времяпрепровождения. Если бы я о том не знала, тогда другое дело, но раз уж все поняла, то больше у меня сердце не лежало к этой вилле.

Я сказала тому человеку: «Я куплю у тебя твое имущество по его настоящей цене, а когда дела твои придут в порядок, тогда вернешь мне деньги и землю свою с домом обратно получишь».

Поначалу он не соглашался: с чувством собственного достоинства был, говорил: «Если вы покупаете, то уж по той цене, что я сказал – за половину».

Я ответила ему: «Я не навсегда покупаю, а вроде как в аренду беру. Когда вы свое решение измените, то мы расторгнем договор, вы деньги отдадите и получите обратно свое имущество. Конечно, если за этот срок не будет какого-нибудь другого покупателя. Я тогда буду продавцом».

Он согласился, взял у меня чек и отдал ключи от дома. Попрощавшись, снова вернулся и дрожащим голосом, будто вот-вот заплачет, сказал: «Да воздастся вам за это добром, ханум!»

Те слова я восприняла только как вежливую благодарность крестьянина и тоже учтиво его поблагодарила. Лишь приехав туда позже, я поняла, какую роль в моей жизни сыграло благословение того старика.

Имение его я поглядела, чтобы у него сложилось впечатление, что сделка эта серьезная, до ее заключения приехала и как настоящий покупатель осмотрела недвижимость. Это был сад площадью один гектар, с яблонями и грецким орехом, и еще был там старый ветхий дом посреди милого местечка. Однако все это мне не годилось. Никто, кроме Маш Хадидже, не знал о той сделке, и мне не хотелось, чтобы кто-нибудь проведал о том, каким образом это обернулось благом для меня. Тогда и намерение мое было бы испорчено, и друзья мои всю жизнь потешались бы и насмехались.

Друзьям я сказала, что передумала и хочу деньги свои на строительство потратить, чтобы в будущем купить виллу побольше.

Уже потом, когда глаза мои раскрылись, я поняла, что это и ложью-то не было – история про еще бóльшую виллу правдивее любой правды. Нет, не спрашивай, на эти вопросы нет ответа. Это тайна между мной и Богом, которая объяснению не поддается.

Когда мы сбежали со свадьбы, некоторое время шатались, развлекались. Без всякой цели ездили по улицам, он – чтобы немного улеглись страх и волнение, а я – чтобы овладеть собой и принять конкретное решение. Я не могла поехать ни к себе домой, ни к кому-либо из своих друзей. Дом мой первым местом был, где бы меня стали искать, а все друзья были известны, как и их имена и адреса. Потом я поняла, что к каждому из них приходили за мной и все там перевернули вверх дном.

В разгар отчаяния и растерянности я вдруг вспомнила о том имении в Джабани – никогда бы не подумала, что однажды оно мне пригодится. На память мне пришло, что ключ от него в тот день я равнодушно кинула в бардачок машины.

Мы сделали только две остановки: один раз – чтобы купить необходимые вещи, и другой – чтобы позвонить все той же Маш Хадидже.

Я ей сказала: «Ты не беспокойся, у меня все в порядке, нет проблем, только вот кашу тут заварила, что несколько дней не должна показываться».

Она спросила «Значит, ничего серьезного с вами не случилось?»

Я ответила ей: «Тебе-то я лгать не стану».

Она сказала: «То есть не из-за чего волноваться?»

Я ей: «Нет, успокойся. Только возможно, что к тебе придут и станут грозить, запугивать, давить на тебя... Но только ты ничего не знаешь и еще больше их встревожена».

Она ответила: «Я и впрямь ничего не знаю! Но если хотите скрыться с глаз, поезжайте в Джабан, в то самое имение, что недавно приобрели».

Я ей сказала: «Я не хотела, чтобы ты и это знала, чтобы не мучиться от того, что тебе это известно».

Она сказала: «Что же, значит, я такая неблагодарная?»

Я ответила: «Ты моя отрада, и не дай Бог, чтобы ты из-за тревоги поехала меня искать. Тебя выследят и...»

Она сказала: «Значит, я настолько глупа?»

Я и не знала, что ей ответить. Но тут она сама продолжила: «Еще с вашего появления на том концерте я знала и уверена была, что вы ничего напрасно не делаете. Я вас передаю на попечение Господа».

Эта Маш Хадидже была необычной особой, одной из величайших милостей Господа для меня. В жизни не встречала никого такого же верного и доброго. Она была божьим человеком в полном смысле этого слова: необыкновенно простая и в то же время смышленная. Ее простота была врожденной, а пронизательность – божественной пронизательностью бедняка и в то же время того, кто ни в чем не нуждается. Равнодушие к благам этого мира, свойственное ее натуре, не имело себе равных. Деньги для нее мало что значили – была благодарна и когда они были у нее, и когда их не было, и даже если их мало было – делилась с другими.

За все то время, что мы жили вместе, я не видела, чтобы она хоть риал отложила или лишнее платье для себя припасла.

Но важнее всего были ее сердечность и великодушие. Когда у нас были гости, она ставила на стол наш арак и закуски и стояла, готовая прислуживать, если нам что-то понадобится. Радушно обслуживала нас и в конце просила разрешения пойти почитать намаз и зикр.

Ни разу не случилось, чтобы она хмурилась, или замечание сделала, или стала призывать к одобряемым религией поступкам и удерживать от дурных. Но уже само присутствие этой тихой, порядочной и доброй женщины на всех оказывало благотворное влияние.

Друзья тогда мне сказали: «Дай отпуск своей Маш Хадидже, пусть поедет отдохнет, а мы сами справимся. Стыдно нам перед ней пьянствовать».

Ну и слова! И это говорили те, у кого вообще не было ни стыда, ни совести!

Где я ее отыскала, как она появилась в нашем доме и осталась жить со мной – это долгая история, и не будем здесь это обсуждать. Я сказала об этом лишь затем, чтобы напомнить тебе кое о чем другом: такие качества в людях следует ценить, и в твоём доме тоже много лет был подобный человек, которого ты не ценил.

Что ты на меня смотришь так, будто услышал самые странные в мире слова? Если уж говорить по совести, разве твоя супруга и мать Ками не была таким человеком? Каких качеств из тех, что я назвала, не было у Амене? Если беспристрастно оглянешься и посмотришь на свою жизнь, увидишь, что они у нее были, как и еще несколько десятков других добродетелей, ни одну из которых ты не ценил и никогда – ни пока жива она была, ни после смерти ее – не был признателен. И покуда ты еще жив, у тебя есть шанс милостыней и благотворительностью

постараться исправиться перед ней, чтоб сердце ее ублажить, ведь плохого супруга возьмут за шкуру как в этой жизни, так и в иной.

Не смотри так на меня. Это не ясновидение. Все это мне поведал тот, кто лично был свидетелем той несправедливости, что ты творил. Вы-то думали, что Ками сумасшедший, а он всех нас умнее был! Да я и сама, если бы у меня был такой отец, как ты, с ума бы сошла!

Я знаю, что у тебя нет настроения слушать проповеди и попреки, да я и не собиралась вовсе читать тебе их и не собираюсь, только ты должен был услышать эти слова. Они тебе нужнее ужина были, и я знаю, что ты жаждешь узнать и все остальное.

Какая история тебе сейчас важнее? До того, как прийти сюда, для тебя самым главным был вопрос: почему я тебе не поручаю продать свой дом? Здешняя атмосфера, однако, затмила этот вопрос, и моя история стала тебе важнее, чем вопрос с домом. Теперь, полагаю, важнее их всех будет рассказ о Ками, подростке, который пятнадцать лет назад был похищен однажды вечером одной танцовщицей и после этого бесследно пропал.

Если бы кто-то посторонний услышал эту историю, то ему обязательно стало бы интересно проследить за ее продолжением и выяснить, что же стало с тем парнем.

А тебе ни как отцу, ни как просто имеющему отношение ко всему этому, ни как просто посвященному в эту историю неинтересно было узнать о том, что же было дальше с тем парнем?

Для тебя было настолько важно сохранить связи при дворе, свое положение и состояние, чтобы ты мог продвигаться и дальше, что ты, оправдывая сына, даже втайне не стал следить за его судьбой?

То есть все эти годы ты ни на миг не скучал по Ками? Не тосковал по нему ни секунды? Даже воспоминания о нем ни разу не нахлынули на тебя?

Допустим, еще до революции ты считался со двором, а что же после нее? Даже если ты думал, что он умер, то по меньшей мере должен был отыскать его могилу или прах!

Ты Хаджи Амин? И что с того! Тысячу раз в Мекке был? Ну и что! Построил мечети, школы и поликлиники? И что! Если у тебя нет сердца, все это и гроша ломаного не стоит! Не знаю, может, я и ошибаюсь, но тот Господь, которого я знаю, сначала сердце у человека ищет, и если сердца нет, то Он не примет в расчет все эти благодеяния, даже если они будут величиной с гору Дамаванд.

Прояви терпение! Сейчас не время лицемерить! Выпей вот подслащенной воды. Она тебе быстро поможет прийти в себя, терпи! Грядет еще одна буря, а возможно, и не одна! Ты не ждал такого дня, зато я ясно и отчетливо видела его еще тогда, пятнадцать лет назад.

После той ночи Господь сдернул пелену с моих глаз и показал всю правду, так что даже если бы я всю жизнь училась и перевоспитывала себя, то ничего бы не получила в итоге.

Хадж Амин! Богом клянусь, что Он рядом, даже ближе, чем яремная вена! До чего же путь Господа близок! До чего прост! Тебе достаточно сделать к Нему один шаг, чтобы Он бросился к тебе бегом, да только мы и одного шага не делаем, стоим на месте и ждем, что его за нас Господь сделает. Он-то делает, да мы все какой-то предлог ищем, самый малый предлог, и из-за него отказываемся от Бога.

Если кто-нибудь ощутит всю сладость Его любви, просто невозможно потом относиться к этому легкомысленно.

Через несколько дней, после того, как шум улегся и почти все уже потеряли надежду меня найти, я сняла целый дом в районе Тегеран Парс, а свое прежнее жилище продала. Да что говорить зря – не я продала, а Маш Хадидже, – эта простая деревенская женщина заодно все дела мои привела в порядок, словно профессиональный юрисконсульт. Я даже в нотариальную контору не заходила: подписала все бумаги прямо в машине, отдала ключи и получила деньги.

Прежде нужно было очистить неправедно нажитые деньги – ведь на них нельзя вести праведную жизнь.

Возможно, ты слышал об аятолле Саиди – он руководил коллективным намазом в мечети Муса Ибн Джафар, что в конце улицы Гияси. Ты наверняка знаешь улицу Шахбаз – сегодня это улица 17-го шахривара; немного не доходя до площади Хорасан, последним переулком слева был переулок Джахан Панах, до революции – Гияси. В конце Гияси по правую сторону и находилась мечеть Муса Ибн Джафар.

Впервые я увидела аятолу Саиди, когда мне было лет семь-восемь. Но в то время мы его знали еще как господина Саиди. Во-первых, он был молод, чтобы зваться аятоллой, а во-вторых, он был близким другом моего отца, и их дружба не знала званий и титулов.

Не удивляйся, что я излагаю некоторые факты в деталях и подробностях. Бывают моменты, которые только с виду просты, да зато меняют весь ход человеческой жизни. Знай, что если я вынужденно останавливаюсь на каком-то месте в этом поспешном обзоре прошлых лет и событий, то это не просто так.

Моя мать только что умерла, и господин Саиди пришел к отцу, чтобы выразить соболезнования и все такое.

Я в том возрасте хоть и не понимала, что такое смерть, но столько рыдала и горевала – я ведь была единственной девочкой в семье, поскребышем, и потому ясно, какой невыносимой болью для такого ребенка было потерять мать.

Господин Саиди зааживал к нам еще до той трагедии, однако я его не видела: когда он приходил, то шел сразу в комнату отца. Чай, фрукты и угощения для него обычно приносили братья.

Кажется, господин Саиди пришел к нам через три-четыре дня после поминок по матери⁵; это уже спустя много времени, после поминок на сороковой день, к нам стали приходиться родные и друзья, и дом был то полон гостей, то пуст.

Мы, то есть все четверо детей покойной, по просьбе или приказанию отца с момента прихода гостей и до их ухода для соблюдения приличий сидели рядом с ними.

К счастью, когда господин Саиди пришел повидаться с нами, у нас не было других гостей, но по привычке я и трое моих братьев сидели у дверей, а отец – с другой стороны. Гостя же мы посадили в центре комнаты.

Это был высокий худощавый мужчина, лет под тридцать, с благообразным и привлекательным лицом, длинной и густой, но мягкой черной бородой, и до того ласковый, что любо-дорого глядеть было на него.

Усевшись, он сразу обратился к отцу и братьям и сказал: «Ваш покорный слуга, господа, уже приходил к вам – на траурное собрание⁶ и на поминки и выражал свое соболезнование. Сегодня же я побеспокоил вас только затем, чтобы выразить соболезнование этой маленькой ханум, – тут он указал на меня и продолжал: – которая с этого момента будет считаться уже взрослой, так как она – единственная ханум в этом доме».

Отец и мои братья – самый младший из которых был на пять лет меня старше, а остальные – на три года старше один другого, – начали благодарить, обмениваться любезностями и церемонничать, я же потеряла дар речи – то был первый раз, когда я столкнулась с подобным обращением. У меня не было нехватки в любви, особенно потому, что спустя несколько дней с момента кончины матери все окружающие в преувеличенном виде высказывали мне свои нежные чувства, но их любовь носила в целом характер жалости, я это понимала всей своей детской душой, и мне было противно. Но тот человек своими двумя-тремя фразами почтил меня так, словно то было дуновение легкого, живительного ветерка в жаркой пустыне.

---

⁵ Поминки, согласно шариату, проводятся вечером седьмого дня после смерти человека, а затем на сороковой день.

⁶ *Траурное собрание (хатм)* – собрание, посвященное памяти покойного, когда все присутствующие по очереди читают какую-то одну часть Корана (по раздаваемым брошюрам), так что весь Коран оказывается прочитанным к концу собрания.

Таким образом, даже несмотря на то, что я сотрясалась от рыданий, то были слезы удовольствия, а не скорби и печали. Но в тот момент я сдержалась и не расплакалась.

Господин Саиди, продолжая говорить, поднялся и подошел ко мне. Присел на полу, скрестив ноги, и мне на миг вдруг захотелось, чтобы он усадил меня к себе на колени, и тогда я бы склонила голову ему на грудь. Он будто бы прочитал мои не высказанные вслух мысли и тут же все так и сделал, двумя руками обнял меня за талию и посадил к себе на колени, чего мне так хотелось. Теперь пришло время мне заплакать, но я снова сдерживалась, пока он не прислонил мою голову к своей груди и не сказал: «Поплачь, доченька! Плакать – не только детям можно, но и взрослым не воспрещено».

Он и сам начал рыдать. Внезапно меня словно прорвало, и я вдоволь наплакалась. Да и сейчас еще, по прошествии почти тридцати лет, я не забыла запах той рубашки и покой на той груди.

Из-за этого западающего в душу, неизменного воспоминания я вновь подумала об этом человеке в самый критический момент своей жизни и попросила у него поддержки, несмотря на то, что после той встречи все эти годы не поддерживала с ним контакта и у меня не было его данных.

Отец наш до того, как умереть, завещал мне и остальным детям не разрывать с ним дружбу и, если возникнет какая-то проблема или трудность, обращаться только к нему, быть уверенными в том, что он поможет и подсобит.

Но так не получилось. Отец умер, семья распалась, братья уехали за границу, дороги наши разошлись, я круто свернула с прямого пути – все это сыграло свою роль и способствовало разрыву с ним. Но самой главной причиной тому послужило многолетнее тюремное заключение самого господина Саиди. Этот добрый друг отца провел большую часть жизни в тюрьме при режиме Пехлеви, и даже если бы мы и хотели поддерживать с ним непрерывную связь, у нас не было такой возможности.

Одна из вещей, доставшаяся мне на память об отце, которая всегда была и остается при мне, – его телефонная книга.

Я разыскала домашний номер телефона господина Саиди в той книге и с полной безнадежностью набрала его. В это невозможно было поверить, но он сам снял трубку. Я не представилась и сказала: «Вы, несомненно, видели меня и знаете, но только обстоятельства таковы, что я стесняюсь, если вы вспомните меня». Он попросил назначить встречу в мечети. Я сказала: «Лучше уж, если позволите, я наведаюсь к вам домой».

Он ответил: «Боюсь, что для вас это может обернуться хлопотами», – за ним самим всегда велась слежка и наблюдение. Я сказала: «Только один раз, не более, риск того стоит».

Он сказал: «К вашим услугам».

Только ради сохранения доброго имени отца я опасалась быть узнанной, иначе для меня этот вопрос не стоял бы. Если бы не стремление сохранить отцовскую репутацию и дружбу их обоих, я бы предпочла излить свою душу, рассказать, кто я, как дошла до такого и насколько больше сейчас нуждаюсь в защите, покровительстве и жилетке, в которую можно выплакаться, чем та невинная девочка, потерявшая мать.

Однако когда я подумала, что будет с тем величественным сейедом⁷, если он поймет, на каком поприсе подвизалась дочь его истинного друга и в радости и в горе, и до чего стыдно будет духу моего отца, если он станет свидетелем, как дочь подрывает его репутацию в глазах его товарища, то отказалась от идеи представиться ему и вернулась к мысли пойти туда инкогнито.

---

⁷ *Сейед* – название потомка из семейства Пророка Мухаммада (С), обычно являющееся частью имени и передаваемое из поколения в поколение от отца к детям. Также может именоваться «Мир» (преимущественно в провинциях Восточный и Западный Азербайджан). Женщина – потомок пророческого рода зовётся «Садат» или «Биби» (последнее – главным образом в провинциях Северный Хорасан, Южный Хорасан и Хорасан-Резави).

Под инкогнито я имела в виду скрыть свое происхождение, и только. В ином случае я не стала бы пренебрегать этим шансом и описала бы, в каком постыдном и прискорбном положении нахожусь. Я сказала, какая трясина меня засосала и как неожиданно Господь подал мне руку и вытянул из нее, и добавила: «Я пришла, чтобы стряхнуть это с себя, избавиться от всего тяжелого бремени порока, чтобы оно снова не потянуло меня на дно и чтобы не выпустить из своих рук руку Господа.

Ты изумишься, если я скажу, что все повторилось, как и тогда, в первую нашу встречу: и то, как он был великодушен, с каким подчеркнутым уважением обращался ко мной, и то, как снова, через столько лет, лишил меня дара речи, и то, как поверг меня в смущение.

После того, как я закончила говорить, его уважение ко мне еще больше возросло, словно он слышал не всю эту мерзость и гнусность, а лишь самые добрые и приятные слова.

Я положила перед ним деньги и сказала: «В любом случае эти деньги мне достались за счет кабаре, пения и танцев, и, бесспорно, они нечистые и жить на них нельзя. Я жду лишь вашего решения, выбор за вами. Если их можно очистить – так и сделайте, а нет – так возьмите и потратьте на то, что сами считаете нужным, а потом дайте мне немного в долг из собственного кармана, чтобы я могла сейчас как-то прожить».

Он взял у меня деньги и вместе с пометкой положил в шкатулку, а из другой шкатулки вынул конверт с деньгами и чеками и вложил мне в руки.

«Они чисты и незапятнаны, не стоит считать себя в долгу за это, и нет надобности в пересчете, ведь все благословение – в той сделке, что вы заключили с Богом. Материальное изобилие – это лишь самая малая прибыль для вас, и ей-богу, я завидую белой завистью вашему положению.

О том, что будет со мной завтра, я и сам не знаю, но зато, с позволения Аллаха, скажу, что уверен в вашем светлом и блестящем будущем. Не думайте, что я это все говорю, чтобы сделать вам приятно. Покровительство Божье дается посрамленному просителю, который довольству творения отдаст предпочтение перед гневом Творца. Сколько мне еще осталось дышать и кривляться?»

И снова повторилось то же самое, что было и при первой встрече: он заплакал, и я вслед за ним тоже полила слезы и начала причитать.

Полученные деньги я не пересчитывала, согласно прямому повелению господина, и, возможно, одним из признаков того, что они были благословенны, стало то, что потом много средств пришло и ушло, однако я существую за счет тех самых, неиссякаемых денег и приношу благодарность Богу, что бережет меня от происков шайтана, желающего вызвать во мне любопытство и алчность. Иначе тот конверт с деньгами уже тысячу раз бы опустел.

Тем не менее, несмотря на все эти объяснения, ты не мог не заметить, что интересующий вас на предмет покупки дом, то есть тот, где ты сейчас находишься, куплен не на те деньги, что заработаны грехом и развратом, и все те мысли и предположения, как те, что только в сердце у тебя, так и те, что языком высказаны, – беспочвенны.

Знаешь, Хадж Амин! Все наши дурные и добрые поступки или грехи и благодеяния в наших мыслях и в культуре утратили свой истинный масштаб, теперь о них судят по тем же меркам, что и об одежде, которую мы шьем.

Перелезть через забор чужого дома в наших глазах – большое зло, а вот ложь, злословие и клевета у нас серьезным грехом не считаются. Следует посмотреть, каковы вес и масштаб и тех, и других перед Господом, каково мерило их в Его глазах, а не судя по нашей точке зрения. Для Господа такой грех, как навет на благочестивого человека, тяжелее, чем его убийство, мы же изобретаем всяческие толкования по своему вкусу и затем ночью спим сном праведника.

И вообще, все эти разговоры о вере настолько высосаны из пальца, что мы сами же и забываем, что сочиняем про людей у них за спиной: «Насколько я помню, я сказал то-то и прибавил еще что-то».

Но это не так, Хадж Амин! Он взвешивает все эти «то-то» да «что-то» и то, что между строк.

Настолько там скрупулезно все подсчитывают, что изумишься. Там ни ты, ни я вообще слова не сможем вымолвить, чтобы уклониться от прямого ответа, или перевести разговор на другую тему, или убежать. Там мы с тобой немы будем, а свидетелями выступят наши руки, ноги, глаза, язык и уши и скажут, что они делали.

Хадж Амин! Если бы мы знали, что большинство людей из-за своего языка в ад попадут, то не мчались бы с таким бесстрашием: и я, и такие, как я, и другие. Как может человек без всяких оснований называть своего сына сумасшедшим?

Нет, Хадж Амин, Ками не был сумасшедшим. Это твое невнимание к нему повлекло его безумие.

Если у кого-то испорчены почки и он чаще других ходит по нужде, то он что – сумасшедший? Нет, но если его запугивать, унижать, мучить и запирает в карцер, он сойдет с ума.

И наоборот – если ты поймешь, в чем его проблема, и разрешишь ее – он успокоится, станет благоразумным и уравновешенным, и его потенциал достигнет предела.

Я лишь недавно поняла, что Ками не только не сумасшедший, но и наделен огромными и бесподобными способностями и памятью. Я только облегчила ему путь, но это он сам своими стараниями и талантами смог меньше чем за три года закончить учебу и получить диплом с отличием. Все свои уроки он выучил несколько лет назад, еще раньше, но из-за того, что никто серьезно не воспринимал ни его самого, ни его учебу, ни жизнь, он не сдавал экзаменов и не получил какого-либо результата или документа.

Я уже говорила, что все мои три старших брата уехали и жили в Америке. Отец отправил их продолжать учебу, но поскольку у них были необычайные способности, еще до того, как их учеба закончилась, американцы предоставили им прекрасные условия, и они остались там.

Один из них, по их же выражению, превращался в мужчину и стал проблемой для американской системы. Он погиб в одной сомнительной аварии. Но двое других живы, слава Богу.

Я позвонила им и договорилась, что они будут опекать Ками, а его отправила продолжать учиться в Америку.

Ты наверняка захочешь узнать, как это я получила загранпаспорт для Ками и как у меня оказался его внутренний паспорт? Да-да, тот самый внутренний паспорт, который ты так долго искал и не нашел.

Но сам ответ на данный вопрос будет долгой историей, и если я захочу ее поведать сейчас, то далеко уйду от основного рассказа. Знай только, что ту обязанность, что ты свалил с себя, наилучшим образом несла на своих плечах его мать Амене.

После того, как Ками выучил английский три года назад, он достиг своей цели, то есть стал учиться на врача, я же, увидев, что Ками достиг совершеннолетия и нашел свой путь в жизни, успокоилась.

Мои братья выполнили свою задачу на совесть и окружили Ками той же любовью, что питали ко мне.

Ками, по их представлениям, был сиротой без отца и матери, которого я взяла под свое крылышко.

Ты не смотри так. То, что касается отца, – это не заблуждение, а вот матери – напротив, очень большая ошибка, ведь у Ками вместо одной было три матери: и собственная мать, и я, и Маш Хадидже.

И мы все, насколько сумели, были ему матерями.

Ты вправе удивляться, что его собственная мать, то есть Амене, была ему матерью, но не удивляйся в отношении нас с Маш Хадидже. Ты вправе так думать об Амене потому, что вплоть до настоящего момента был уверен, что и она потеряла Ками подобно тебе и до самой смерти не имела о нем никаких известий.

Но эти объяснения отложим на потом. Ты и так уже настолько ошалел от всех этих новостей, которые были только вступлением, что если поймешь, что Ками не просто так выбрал свою специальность, а ради исцеления матери, такое натворишь! С подростковых лет у Ками была мечта изучать акушерство и гинекологию, но он изменил свое убеждение и выбрал нейрохирургию, чтобы избавить мать от боли и спасти ее от смерти.

Терпи, мужчина! Я же говорила – грядет еще одна буря. Ты должен снести и это! То было пока что началом. Нет, у тебя явно куда меньше терпения, чем я представляла. Нужно Сайфу сообщить. Дай-то Бог, если он все еще сидит в машине.

Глава 5. Дождь

Насколько помнит Хадж Амин, он сказал лишь одно: «Не сводите меня с этой развратницей!» А когда инженер Сайф заметил: «Это все уже в прошлом», – то Хадж Амин спросил: «А откуда это известно?» Хадж Амин твердо помнит только до этих слов, но вот того, что он сидел и что-то сочинял за спиной у Зейнат-ханум, – этого не помнит.

Но его разочарование, разумеется, проистекало не только из этих слов, которые стали причиной того, что он постоянно звал Зейнат-ханум: всегда, когда в обморок падал и потом в себя приходил, звал ее и снова в обморок падал.

Нет, все то, что сказала Зейнат-ханум до того, как у Хадж Амина случился обморок, не было причиной того, чтобы он, лежа на больничной койке, никого больше не узнавал: ни врача, ни Сайфа, ни своих близких, ни других уважаемых посетителей и, не обращая на них внимания, повторял ее имя.

Хадж Амин видел Зейнат-ханум даже в той смутной, болезненной атмосфере: под мышкой у нее было досье Хушанга Амине, в одной руке она держала его краткое резюме – табель с оценками, а в другой – длинную линейку, которой то и дело лупила его по голове и зачитывала по одной оценке всей его жизни.

И он, Хадж Амин, стоит перед учительницей – Зейнат-ханум, несмотря на его теперешний возраст, как неряшливый школьник: в рубашке, что вылезла из брюк, с растрепанными волосами, стоящими торчком, с грязными руками, с застывшими на лице слезами и двойственным чувством.

То был страх услышать историю дальше, опозориться и получить по заслугам. И этот страх призывал его к бегству. Но любопытство узнать и понять ту историю подкашивало его ноги.

Эх, если бы можно было получить те досье и табель, и самому прочитать их в спокойном месте, вдали от посторонних глаз, и узнать о скрытых, тайных моментах своей жизни! Но это было невозможно. Ясно, что единственным человеком, кто владел этим досье и был посвящен в его тайны, была Зейнат, и пока она не сделает больно Хадж Амину и не отлупит его своей линейкой за каждую плохую отметку, ничего ему не сообщит.

Но и эти удары линейкой можно вытерпеть, если Зейнат-ханум полностью поведаст ему историю с Ками, а особенно – если предоставит Хадж Амину его теперешний адрес и данные.

Тон, каким Хадж Амин звал Зейнат, приобрел оттенок упрасивания, мольбы и любопытства. Этот тон вынуждает доктора Гияси, лечащего врача Хадж Амина, позвать Зейнат-ханум в больницу, к изголовью больного.

Несмотря на все сопротивление, оказываемое инженером Сайфом, и его объяснения о том, что, мол, нынешнее состояние Хадж Амина – прямое следствие его встречи и разговора с Зейнат-ханум и повторение этой встречи неразумно, доктор по просьбе или повелению больного проявляет настойчивость и выпроваживает инженера Сайфа, посылая его в дом Зейнат.

А Зейнат словно ожидала такого приглашения; без малейшего сопротивления она накидывает на себя чадру и в сопровождении инженера Сайфа отправляется в больницу.

Сайф же, на грани помешательства из-за любопытства, всеми путями пытается выудить из Зейнат хоть словечко и узнать, что же такое произошло. Но Зейнат, сохраняя полное спокойствие и выдержку, из окна автомобиля смотрит на улицу и молчит, будто воды в рот набрала. На все вопросы Сайфа она никак не реагирует, так что он в конце концов взрывается от гнева и смятения:

«Уважаемая ханум! Почему вы не понимаете? Я правая рука Хадж Амина: и его доверенный, и управляющий, и сын его, и советник, все для него. Нет ничего в его жизни, что было

бы мне не известно. Разве я не должен знать, какую беду вы принесли этому старику, что его в больницу положили?»

Вместо ответа Зейнат невозмутимо спрашивает: «Вы и правда его сын? То есть Хадж Амин – ваш отец?»

От этого вопроса Сайф злится еще больше: «Из всего, что я сказал, вы только это услышали?! Нет! Хадж Амин не мой родной отец. Он мой духовный отец. Я не его настоящий сын, но его правая рука. И поверенный, и приказчик, и хранитель его тайн».

«То есть Хадж Амин очень вам обязан по духовным соображениям?»

Сайф срежет зубами, но пытается подавить свой гнев. Сворачивает к обочине, жмет на ручной тормоз, поворачивается и с деланным спокойствием говорит: «До сих пор вы не удостаивали ответом мои вопросы, и теперь, вместо того чтобы ответить мне, вы задаете свои вопросы! Но так нельзя!»

«Ответ на ваш вопрос ясен, господин Сайф! Раз уж Хадж Амин вам настолько доверяет и поверяет вам свои секреты, то если бы он сам счел нужным, то обязательно поведал бы вам эту тайну».

«Но у него не было такой возможности. Начиная с позавчера, когда из-за вас он угодил в больницу, и до настоящего времени, то есть до утра сегодняшнего дня, он без сознания был».

Зейнат хладнокровно отвечает:

«Ну, при первой же возможности он вам расскажет. И во-вторых: если меня осуждают или обвиняют, что я виновата в ухудшении состояния Хадж Амина, зачем вам понадобилось снова приезжать ко мне?! Вы не думаете, что когда Хадж Амин меня увидит, ему станет хуже?»

В голосе Сайфа появляется тревожный, просительный оттенок: «Ну почему же? Клянусь Богом, это только мое мнение. Мне не удалось поговорить ни с ним, ни с его врачом! С того момента, как к нему вернулось сознание, он постоянно твердит ваше имя. Я сказал доктору Гияси: “Эта самая Зейнат-ханум его в такое состояние повергла. Отравленного ядом ведь не лечат снова тем же ядом”. Он надо мной посмеялся и сказал: “Ну, я должен посмотреть на этот яд, определить, какого он рода и из чего состоит, чтобы вылечить больного”».

Зейнат смеется.

«Значит, вы сейчас везете смертельный яд?! Тогда зачем остановились? Больничная лаборатория ждет. Поезжайте».

«То есть вы и слова не скажете?»

«Господин Сайф, вы уже исчерпали все свои попытки! Двадцатиминутный путь мы ехали сорок минут, и вместо того, чтобы ехать прямо, вы все время петляли, и вопросы свои и так и эдак мне задавали, и в конце концов перешли на грубость и крик. И когда у вас ничего не вышло, понятно, что и не выйдет больше! Не утомляйте себя, стисните зубы и потерпите, пока время не придет».

Потеряв надежду, обманутый в своих ожиданиях, Сайф покорно пускается в путь, ворча про себя: «Ладно... пока не придет время».

И продолжает, уже чуть громче, чтобы его слышала Зейнат: «Но если с Хадж Амином случится несчастье, вы не сможете отрицать, что не причастны к этому».

Зейнат тоже говорит сквозь зубы, но так, чтобы Сайфу было слышно: «Вы не хотите, чтобы с Хадж Амином случилось несчастье, но если оно, не дай Бог, и случится, не сможете отказаться от своей доли в наследстве».

От этих слов Сайф прямо-таки подскакивает и начинает рыться в мозгах в поисках подходящего ответа, но не находит и замолкает на какой-то миг. Поневоле ограничивается первым, что пришло в голову: «То есть вы хотите сказать, что я буду рад, если Хадж Амин умрет?!»

«Не дай Бог, чтобы вы оказались настолько безнравственным! Иногда, на пике недовольства, тревоги и стресса, шайтан навещает человека и говорит ему: “Не нервничай, не раздражайся так! Если Хадж Амин умрет, то для тебя-то это плохо не обернется!” Вот как сегодня

утром – шайтан свой камушек кинул и пошел себе, а из головы человека это нейдет. Он начинает задумываться о том о сем. Ни с того ни с сего замечаешь, что ты сам уже сидишь за дверью комнаты больного и подсчитываешь свою долю, что тебе причитается из его наследства. Никого, конечно, не стоит упрекать или осуждать из-за соблазнов разума, а также нельзя никого обвинять из-за каких-то представлений, что витают в голове».

Когда Сайф ставит машину в больничном дворе и выходит из нее, он говорит сам себе: «По-моему, мне тоже нужна койка рядом с Хадж Амином».

Сайф ведет Зейнат напрямиком в кабинет доктора Гияси, представляет ее, а потом некоторое время переминается с ноги на ногу, чтобы его тоже пригласили остаться и присесть. Но тяжелая атмосфера, повисшая пауза и молчание Зейнат и врача приводят к тому, что Сайф задает вопрос доктору: «От меня вам еще что-нибудь угодно?»

Доктор Гияси, будто ожидая этого вопроса, немедленно отвечает: «Нет, это все. Если понадобится, я дам вам знать».

Сайф с отвращением выходит из кабинета и намеренно оставляет дверь открытой.

Доктор обращается к Зейнат и сразу же переходит к делу: «Могу я спросить, что такое вы сказали этому Хадж Амину, что ни с того ни с сего вышли из строя его органы и изменились все показатели здоровья?»

Зейнат поднимается со своего места, закрывает дверь, снова садится напротив врача и говорит: «Господин доктор, не сочтите за дерзость, можно вам задать один вопрос, исключительно для собственного сведения?» Доктор радушно отвечает: «Спрашивайте, ханум. Я к вашим услугам».

«А вопрос мой таков: имеет ли право обычный врач вмешиваться в частные дела людей?»

Доктор Гияси, который совершенно не ожидал подобного вопроса, сначала подсакивает от удивления, а затем старается взять себя в руки и, храня твердость и самообладание, отвечает: «Если это частное дело каким-либо образом подвергает опасности здоровье пациента, естественно, врач должен быть в курсе».

«Отлично. У вас ведь нет сомнений в рассудке Хадж Амина? Или есть?»

«Нет! Кто это сказал такое?»

«А то, что сказала я и что слышал он, неважно...»

«Это почему же неважно? После той беседы он...»

«Позвольте, господин доктор! Я хочу сказать, что содержание той беседы неважно. Результат ее важен. То есть ее результатом стало возбуждение, волнение и неестественное состояние Хадж Амина. Важнее то, что, несмотря на такое состояние, он заинтересован в продолжении и повторении этой беседы. Теперь суть проблемы ясна. И вы либо скажете: “Нужно на его просьбу дать положительный ответ, ибо он разумный взрослый человек”, либо: “Нет, как его лечащий врач я считаю продолжение или повторение подобной беседы неприемлемым”. И я поступлю так, как вы сочтёте нужным».

Доктор некоторое время пристально глядит в тишине на Зейнат и роется в голове в поисках подходящего ответа. Ответа, что будет посерьезнее доводов Зейнат и убедит ее разъяснить невысказанное. Пауза затягивается, а доктор так и не находит приемлемого возражения.

В сложившейся ситуации, возможно, был бы уместнее тон просьбы или мольбы.

«Ваши доводы с точки зрения логики правильны и разумны, но в чем проблема, если я как врач, пользующийся доверием пациента, буду знать о теме ваших бесед?»

«А вы согласны, что это уже личное любопытство, и оно никак не связано с профессией врача и исцелением пациента?»

Доктор чувствует, что для достижения цели у него нет другого выхода, как сдаться и признать себя побежденным.

«Признаю, что иногда чувство любопытства и желание узнать что-то настолько овладевают твоим умом, что пока этого не добьешься, не успокоишься».

«Я понимаю это чувство и согласна с вами. Но тут есть одна проблема, которая...»

«Какая проблема?»

«Да такая, что тема нашей беседы – не моя тайна, чтобы я была вольна ее рассказывать. Она связана с жизнью Хадж Амина. И я не имею понятия, будет ли он доволен разглашением своих секретов».

«Суть проблемы не так уж сложна, как вы...»

«Да, но ваше любопытство усложняет ее, а так – проблема ясна. С врачебной точки зрения мои встречи с Хадж Амином или приемлемы, или неприемлемы. Если скажете – приемлемы, то мы встретимся, если же скажете, что нет, – то нет».

«Если бы я считал это нецелесообразным, не приглашал бы вас. Полагаю, что тревога и смятение Хадж Амина в вашем присутствии пойдет на убыль».

Зейнат серьезно и решительно встает с места.

«Тогда почему вы мешкаете?»

Хадж Амин, видя Зейнат, сияет и привстает на своей койке. Не мешай ему воспаленные раны, он бы вышел поприветствовать ее у самых дверей, не обращая внимания на окружающих. На лицах у всех присутствующих любопытство и изумление.

Зейнат же, равнодушная и с абсолютной невозмутимостью реагирующая на удивленные взгляды окружающих, здоровается, кивает им головой и идет прямо к постели Хадж Амина.

Инженер Сайф, усевшийся на стул рядом с койкой, то ли вынужденно, то ли из уважения, то ли чтобы уступить место Зейнат, встает, и Зейнат, не тратя зря времени и не церемонясь, сразу же садится.

В палате воцаряется тяжелая тишина. Будто бы чужая и незваная гостья внезапно навязала себя этой дружеской компании.

Зейнат обращается к Хадж Амину и произносит громко, так, чтобы все слышали: «Я вас побеспокоила, Хадж-ага».

Тонем, полным благодарности и признательности, Хадж Амин говорит: «Ну что вы, Хадж-ханум! Вы милость мне оказываете!»

«Как ваше самочувствие? Получше, иншалла?»

«Слава Богу, вашими молитвами да молитвами этих господ намного лучше!»

Говоря «господ», он указывает на всех тех, кто стоит или сидит в палате. Этот жест дает возможность Зейнат снова бросить взгляд на всех присутствующих, каждый из которых сквозь зубы отвечает Хадж Амину – кто любезничает, кто молитву за него читает, кто благодарит.

Короткие волосы и длинные бороды трех-четырех гостей, а также их манера носить одежду говорит о том, что это, скорее всего, ахунды⁸, которые под тем или иным предлогом пришли на встречу в обычной одежде.

У других же пяти-шести человек, что стоят рядом друг с другом, лица, возраст и одеяние выдают лавочников или базарных торговцев – компаньонов Хадж Амина.

Трое других, помоложе и понаряднее, стоящих у двери рядом с доктором Гияси, наверняка друзья инженера Сайфа, партнеры в строительных делах Хадж Амина.

Доктор Гияси, переминаясь с ноги на ногу, немного поколебавшись и подумав, обращается со словами к присутствующим: «Так как я не только лечащий врач Хадж Амина, но и, подобно вам всем, предан ему, для меня трудно это сказать, но я прошу сократить время посещения, так как в настоящее время отдых для Хадж-аги действеннее любого лекарства. Вы, конечно, простите мне мою смелость, но профессия врача требует от меня отдать предпочтение заботе о его состоянии перед заботой обо всех иных делах и перед данью вежливости».

Все присутствующие словно ждали этой возможности или позволения удалиться и быстро при готовились уходить. Один из них, наиболее пожилой и лицом больше остальных

---

⁸ Ахунд – мусульманское (преимущественно в среде шиитов) духовное лицо, мулла.

напоминающий муллу, заверяет: «Да, в хадисах тоже сказано, что визит к больному должен быть кратким и недолгим».

Он же и начинает первым обмениваться с Хадж Амином рукопожатиями, дружескими поцелуями и прощаниями.

Зейнат в знак почтения встает со своего места и отходит немного в сторону от койки больного, чтобы каждый мог подойти к нему по очереди и, пожав ему руку, поцеловав и пожелав на прощание всех благ, уступить место следующему.

Она так и продолжает стоять, пока все, кто уже попрощался, но не ушел, еще раз все вместе прощаются и выходят.

Теперь в палате остаются, помимо Зейнат и Хадж Амина, доктор Гияси и Сайф.

Инженер Сайф, с одной стороны, желает остаться в палате из любопытства, но, с другой стороны, он обязан проводить гостей.

Хадж Амин громко, так, чтобы гости за дверью его слышали, говорит:

«Господин инженер, проводите гостей вы вместо меня. Мне неловко, не могу я с постели сойти».

Инженер Сайф говорит: «Слушаюсь», – и нехотя уходит.

Доктор Гияси говорит Зейнат, которая по-прежнему стоит: «А вы, пожалуйста, выйдите на минутку».

И когда Зейнат выходит из палаты, сам садится на стул рядом с койкой и спрашивает: «Хадж-ага! Вам лучше, иншалла?»

Хадж Амин кивком благодарит его и отвечает: «Лучше, слава Богу, намного лучше!»

Доктор слегка крутится на стуле и пережевывает во рту слова, что должен произнести. Хадж Амин, чтобы зря не тратить время, которое и так уже упущено, говорит: «Скажи, доктор. Если хочешь что-то сказать, то скажи!»

Доктор все так же мямлит.

«Я говорю... Хадж Амин... вы только не подумайте... я только из милосердия к вам дал разрешение на эти встречи... во-первых, вы всегда пеклись о нас, а во-вторых, сто тысяч – это ничего, я ваше здоровье и на миллион не променяю. Диагноз мой как врача... – такие встречи для вас полезны... и потом ваше состояние улучшится».

Хадж Амин, при всей своей слабости и недомогании, деланно смеется, на миг замолкает, затем снова смеется и заставляет теряться в догадках доктора, который в нетерпении ждет ответа. Доктор удивленным и обиженным тоном спрашивает: «Значит, мои слова были настолько смешными?»

Хадж Амин, продолжая смеяться, отвечает: «Ты мне нравишься, доктор! Ты это говоришь для очистки совести?! Мне нравится, что у тебя пока еще сохранилось что-то, называемое совестью. Если правду говоришь, почему тогда ты так сопротивлялся, пока чек не получил?»

И прежде чем доктор подготовит ответ, он продолжает:

«Не нужно отвечать. Я и так знаю. И к тебе пристаю только за тем, чтобы ты понял – мне лучше стало. Все верно, я больной, но не такой уж простак, чтобы искать совесть у врачебной братии».

И оба деланно смеются.

Свободной рукой Хадж Амин трогает доктора за плечо и говорит: «Да на здоровье! Я тебе эти деньги дал от всего сердца! И, тем не менее, не беспокойся за меня. В медицине ты никем так и не стал, а вот если бы изучал сельское хозяйство, понял бы, что плохой баклажан и черви не едят!»

Доктор со смехом отвечает: «Я сам виноват. Не нужно было ваше состояние так улучшать, чтобы вы смогли понять мое состояние».

Хадж Амин так же весело и дружески говорит: «Встань да забирай это! Думаешь, душу мою спас? Тогда чем там в небе Бог занят?»

Доктор встает и перед тем как уйти, говорит: «Господь в надежном месте, а вы вот в данный момент под моим контролем, и я могу на вашу голову навлечь любую беду, какую захочу».

Хадж Амин хватает доктора за белый халат и говорит: «Это все шутка была! Мы искренни, словно червонное золото».

Переведя дух, он продолжает: «Тебе нет равных как с профессиональной точки зрения, так и по совести, знаниям».

Доктор смиренно говорит: «Мы всего лишь преданные ваши ученики, Хадж-ага!»

Хадж Амин глубоко вздыхает и говорит: «Ох, сколько же вранья я сегодня наговорил!»

Ноющим, притворно-жалобным тоном доктор говорит: «Хаджи! Не позволишь ли ты хоть на несколько минут надеяться на себя?»

Хадж Амин любезно отвечает: «Вранье враньем, а мой собачий нрав правдивый. Ты и сам видел, как я поступаю с другими. Я тебя, доктор, люблю, раз так издеваюсь над тобой!»

«Я знаю, Хаджи! Наша привязанность к вам не связана с этими словами».

«Если жив останусь, отплачу тебе за твои хлопоты».

«А, так значит, я еще и ради себя должен о вас заботиться?»

«Ну да. Все, иди уже по своим делам! И пришли сюда Зейнат-ханум. Да скажи, чтобы нас никто не беспокоил».

«Слушаюсь, Хаджи. Но только однажды вы мне должны поведать историю этой Зейнат-ханум».

Хадж Амин делает вид, что не слышал этих слов. Он опускает голову на подушку и переводит взгляд на дверь. Доктор, не дожидаясь ответа, выходит из палаты, подходит к Зейнат, которая сидит на единственном стуле в проходе: «Уж извините, что так вас задержали. Вам, наверное, надоело».

Зейнат закрывает карманный томик Корана, целует его и кладет в сумку. Затем встает с места: «Нет, все в порядке, мне не в тягость».

Доктор, указывая на палату, говорит: «Пожалуйста, прикройте дверь. А я передам, чтобы вас никто не беспокоил. Сейчас ему легче. Но если, не дай Бог, что случится, то звонок у его койки, сбоку».

Зейнат отвечает: «Хорошо, благодарю».

И направляется в палату.

«Кажется, вам лучше стало».

«Именно. Я для того и остался в живых, чтобы услышать остальную вашу историю. Только прошу переходить сразу к основному повествованию, без вступления».

«Вы так рассуждаете, будто все вершится, как нам того хочется».

«Зейнат-ханум, вы не цепляйтесь так к указанию. И так ясно, что все в руках Божьих. Я просто хотел выразить всю остроту своей жажды услышать продолжение. Ладно, я весь внимание».

Зейнат придвигает свой стул поближе к Хадж Амину, садится поудобнее и невозмутимо говорит: «Это не так, Хадж Амин!»

Хадж Амин приподнимается на койке и спрашивает: «Что не так?»

«Много чего! Во-первых, я не магнитофон, чтобы в любое время, когда только пожелаете, вы нажали бы кнопку и слушали то, что вам угодно. И чтобы вы могли услышать остальное, вы должны прежде ответить на мои вопросы. А во-вторых, еще неизвестно, станет ли вам лучше от того, что вы будете меня слушать. Может даже хуже станет, как в прошлый раз. Но я дала слово, что не пропущу ни одной темы. При условии, что сначала получу ответы на свои вопросы».

«Что же это такое я знаю, а вы не знаете?»

«Ваши глаза открыты истине. Не должно быть ничего сокрытого от вас».

«Вот где ваша ошибка. Не все то, что мне бы хотелось, я узнаю. На это, как и на все другое, воля Божья, а я вижу только то, что Господь мне показывает. Есть много таких вещей, что неясны мне и которые вы тоже не можете объяснить».

«Но только вот условие ваше несправедливо. Если я вам передам какие-то сведения, это никак не отразится на вашей жизни, а вот ваши сведения для меня имеют решающее значение. Словно сообщение о тех моментах моей жизни, которые для меня неизвестны. У вас есть информация о моем единственном, потерянном сыне, о моей кровинке, и вы скупитесь предоставить мне ее».

«Я не скупилась и не скуплюсь. Если бы я решила не говорить, то ничего бы и не сказала. Вы же не будете отрицать того, что я сама затеяла этот разговор?»

«Нет, отрицать не стану. И верю, что вы дали слово рассказать обо всем остальном. Но только почему я должен сначала отвечать на ваши вопросы? Что есть такого важного, что вам непременно нужно знать?»

«Причина того, что сначала вы должны дать ответ, – отнюдь не в моем любопытстве: в этом для вас самого польза и благо».

«Польза и благо для меня самого?»

«Да, ваша чаша переполнена. И поэтому позавчерашний разговор был для вас последней каплей. И если сейчас я продолжу рассказывать, ваше состояние снова расстроится. Сначала вам нужно опорожнить эту чашу, вылить из нее все то, с чем вы сражались годами. Вы должны выговориться, чтобы распустились те нити, что сплелись вместе, и развязались туго затянутые узлы. Сказать те слова, что никому до сих пор не говорили. И если вы расскажете это мне, то и ваши проблемы решатся, и я найду ответы на свои вопросы».

«Ладно, я расскажу все, что вы хотите. Но только вы должны спрашивать – что мне говорить и откуда начинать. Уверен, у вас настолько крепкая вера, что вы хранительница чужих тайн».

«Я ничего не буду спрашивать, только помолчу и послушаю. То, что я от вас хотела, было в тот момент, когда я сама говорила. Думаю, что любой вопрос или пауза только сбивают с толку и перегружают память».

«Хорошо. А откуда я знаю, с чего начать?»

«Вы знаете. Однако я напому, чтобы навести порядок у вас в голове. Что случилось после той свадебной вечеринки? Что сделали с Хушангом Амине придворные и все остальные? Что такого произошло, что Хушанг Амине забыл о своем сыне и даже искал для него оправдание? Каким образом Хушанг Амине стал после революции Хадж Амином? Как так случилось, что все ваши товарищи и компаньоны либо казнены были, либо сбежали, а вы один остались и даже стали весьма уважаемы и почитаемы?! Как это так вам удалось стереть свое прошлое? Как вы смогли забыть Ками? После революции у вас ведь не было проблем. Так почему тогда вы не отыскиали его адрес? И вообще – какое отношение имеют эти двое: Хушанг Амине и Хадж Амин – друг к другу? Каким образом...»

«Достаточно! Больше не продолжайте. Я понял, что должен рассказать. Первый и последний раз и первому и последнему слушателю».

Глава 6. Наводнение

Не жди от меня, что я, как и ты, буду рассказывать все по порядку, ровно и без правил. Я и в обычный-то день не сильно памятью блещу, что уж говорить о том, что сейчас, когда по моим мозгам словно тяжелый трактор прошелся и все смял! Нет! Не смял даже, а смел с лица земли. Но даю слово, что специально ничего упускать не буду и не буду нарочно что-то недоговаривать. А какие-то недостатки спиши на мой старческий возраст, слабое здоровье и переживания.

Я согласен с тобой, что поговорить по душам без всяких там пышных слов и уверток полезнее для моего же собственного состояния и больше выгоды принесет мне, чем тебе.

Спустя многие годы мне выпал шанс побыть хоть час самим собой. Конечно, все это время я не то чтобы притворялся – не приведи Боже! – или проявлял лицемерие. Нет! Упаси Господь от двуличности, лжи и притворства. Я эти годы старался измениться, стать иным. Какая-то часть этих изменений связана с внутренним миром, а какая-то – с внешним.

Ясно, что внешние изменения проявляются скорее и легче, нежели внутренние, подспудные. Разве плохо, если быстрее выполнишь все те дела, что легче, или ради них отложишь реализацию более сложных дел? Не нужно сразу на эти предпосылки навешивать ярлык притворства и лицемерия. Человек постоянно изменяется, растет. Разве страшно, если внешняя его сторона быстрее или в большей степени подвергнется преобразованиям, чем внутренняя?

Цель моя в том, чтобы в любом случае вы, при всей вашей бдительности, не восприняли негативно те противоречия между внешней стороной и внутренней, с которыми столкнетесь. Имейте в виду, что мы все, более или менее, стараемся измениться к лучшему.

В любом случае, для меня это удобная возможность, и в основном потому, что перед вами я не должен таиться и быть осмотрительным. Остальные видели только одну сторону медали, то есть Хадж Амина. Вы же видели и другую ее сторону – Хушанга Амине, и от вас ничего не скроется.

Я это все говорю, разумеется, по той причине, что с самого начала я не был безбожником. И потому Хадж Амин Ад-Дауле, пользующийся доверием среди жителей Тегерана и особенно на базаре, в Паменаре и в перулке Лути Салех⁹, даже если бы и захотел, не смог бы быть безбожником. Разве у Хадж Амина Ад-Дауле было множество детей, чтобы поддерживать доброе имя и авторитет отца? Нас всего-то было два брата и три сестры.

Сестры повыходили замуж, взяли фамилии мужей и были заняты собою и своей жизнью. И хранить доброе имя отца остались мы с братом. Да все потому, что отец – да будет ему земля пухом – помимо своего доброго имени, больше ничего в наследство нам не оставил. Пока был жив, все, что имел, другим раздаривал, а перед смертью все, что осталось, пожертвовал на благотворительность. Земля-то на него ничего не донесет, и вот в последний миг он вытряхнул свой карман и ушел в мир иной, оставив мать в нужде с такими аргументами: «Ау меня разве было наследство от отца?! Сами потрудитесь и обрящете», или: «Я добыл все эти гроши, чтобы подготовиться к последнему пути, а не чтобы оставить; и раздать их на пути Господнем – то же самое, что и унести».

Я ему говорил: «Хадж-ага! Все, что у вас было, вы роздали. Богу не понравится, если вы нас лишите и этой малой толики».

Он ответил: «Вы же живы, и у вас есть возможность зарабатывать. Разве Богу понравится, что я с пустыми руками отправляюсь в последний путь? Без провизии на дорогу? Этот путь трудный?»

---

⁹ *Паменар* – название одной из старинных улиц недалеко от базарного квартала Тегерана, на юге города. *Переулоч Лути Салех* – ныне не существующий переулоч рядом с базаром.

Я ему сказал: «Вы, слава Богу, свой багаж раньше себя отправили».

Он поначалу насупился, а затем расплакался: «Какой багаж, Хашем, милый?! Кто ж идет в гости к султану с пустыми руками? Нести ножку саранчи в подарок царю Соломону¹⁰? Мне самому стыдно за те дары, что послал Ему. То, что дали мне во временное хранение, вернул я владельцу его и назвал это дарами».

Он меня называл «милый Хашем» – моим настоящим, первым именем, до того, как я поменял его на «Хушанг». Разумеется, Хушанг тоже возник не сразу, не с бухты-барухты. Сначала товарищи в младших классах сменили «Хашем» на «Хуши», подготовив мне почву для двойной жизни. Но отец до самой кончины звал меня «Хашем» и злился, когда слышал «Хуши».

Он говорил: «Аль-Асма туназзалу мин ас-сама, то есть имена ниспосылаются с неба, и мы не имеем права их менять».

Это было одним из тех его наказов, что я не слушал, и ту же беду я накликнул на голову Коукаб и Камалю.

Ладно, проехали. Аль-Калам южаввиз аль-калам¹¹. Я пустослов без тормозов. Мой брат Касем после смерти отца уехал в Наджаф и остался там. Пока здесь был, тоже обучался в духовной семинарии и по этой причине больше моего заботился об отце. По возрасту был на два года меня старше, но зато по своим достоинствам и учености – на десять. Мы поддерживали с ним многолетнюю связь и после того, как он уехал.

Связь – какую связь? Что я говорю? Он писал письма, спрашивал о том, как идут дела, увещевал меня, давал советы, я же чаще всего не писал ему в ответ. Пока Хашемом был – из-за собственной неполноценности, зависти, мести за то, что отец к нему лучше относился. Как Хушангом стал – из соображений безопасности и страха перед двором.

В конце пятидесят шестого года¹² я услышал, что Саддам казнил его, как и многих других исламских ученых – иранцев и арабов. Царствие ему небесное! Говорили, что он стал великим человеком, и одного этого уже было предостаточно, чтобы его казнили.

Когда Касем отправился в Наджаф, сестры были заняты своей жизнью. Я остался у разбитого корыта с наследством отца, который был всего-навсего искренним и честным, перед нуждающимися, молившими по привычке о помощи.

Сначала я показал всем этим несчастным, что и сам я гол как сокол, и обескуражил их, чтобы они прекратили наседать со своими просьбами и оставили меня в покое.

Не смотри ты так на меня: откуда мне тогда было знать, что если будешь твердить, что у тебя самого ничего нет, Господь сделает твоей участью бедность?

Уже потом я сообразил, почему это я так много всего знаю, но ничего не достиг. Но не своим умом дошел до этого, а прочитал в письме покойного брата.

Он писал: «Богатство – что вода: если застоится, то либо испарится, либо зловонием станет. Открой путь для выхода – и она потечет и принесет тебе блага. Знай, что смысл благ не в их изобилии, а в пользе, и в том, что они струятся, а не на месте стоят».

Но я и к этому, как и ко многому остальному, не прислушался и сам же пострадал от этого.

После смерти отца, с трудом получив диплом, пошел работать в компанию «Сабет Пасаль». Мне больше нравилось работать на базаре, чем в конторе, и отец поручал мне торго-

¹⁰ «Нести ножку саранчи в дар Соломону [в персидской традиции – Сулейману] – позорно, но для муравья это – целое искусство» – персидская поговорка. То есть дарить что-то чрезвычайно мелкое, нестоящее и дешевое великому человеку. Намек на то, что подарить такую вещь для муравья – это целое искусство, говорит о том, что даже такую безделушку можно преподнести со вкусом (как оправдание за ее малоченность). В русском языке есть синонимичная поговорка: «Не дорог подарок, дорого внимание».

¹¹ «Слово разрешает другое слово» (араб.)

¹² 1356 год по солнечной хиджре (согласно принятому в Иране календарю) соответствует 1978 году.

вать в фарфоровой лавке. На базаре он пользовался доверием. Но с пустыми руками не займешься мелкой торговлей.

Ты, возможно, скажешь, что доверие лучше любых наличных. Это верно. Но тогда еще я таких слов не понимал. И потому отдал предпочтение не базару, а конторской работе.

Компания «Сабет Пасаль» занималась разнообразной экономической деятельностью, и одним из видов ее было единоличное представительство завода «Фольксваген». Еще одним – представительство компании «Кока-Кола», помимо этого – производителя шин «Дженерал Моторс», продажа различных бытовых товаров и еще куча всего.

Владелец компании, Хабиб Сабет, был богатым бахаистом, водившим близкую дружбу с шахским двором.

Работая в компании «Сабет Пасаль», я открыл для себя два новых мира. Одним из них был мир автомобилей, а другим – мир придворных.

Сочетание этих двух миров положило начало переменам в моей жизни. Но конечно, не сразу: это заняло по меньшей мере лет десять-двенадцать, пока я смог, наконец, проложить себе путь в той сложной и запутанной системе.

Эти десять-двенадцать лет прошли для меня в тяжелых условиях; я жил на зарплату служащего. Ками говорил правду о том, что мы были бедными, едва сводили концы с концами и все вместе жили в одной съемной комнате. Когда мы выбрались из этих бед и несчастий, оказались совершенно в иной ситуации. Понятно, что богатство на нас за одну ночь не свалилось. Мало-помалу мы накопили его, и внезапно оно выплыло на свет.

Эх, если бы вы сначала мне рассказали о Ками... а потом уже я. Ладно, продолжу. Но только расскажу то, что представляет мало интереса, вкратце, чтобы поскорее ответить на ваши вопросы. Хотя... нет... одним из ваших вопросов было – как это я так быстро разбогател. Я же сказал – это не было так сразу, а длилось десять-двенадцать лет, пока я смог выхлопотать себе положение. Я не скакал, а шел к нему последовательно.

С автомобилями я сначала познакомился через «Фольксваген» и благодаря этому стал в них разбираться, а через знакомых и детей Сабета пробил себе путь ко двору. Никакого тайного сговора тут не было. В любой системе так: если ты добросовестно выполняешь свою работу и тебя знают как честного человека, которому можно доверять, все двери перед тобой сами откроются.

Да, «BMW» для наследника престола я купил в Германии, но не говори, что это было ни с того ни с сего.

Раньше я ездил в Германию несколько раз по делам компании и ради собственного интереса: в автомобилях я стал знатоком. Они были уверены, что я и работу свою знаю, и не предаю их.

Доверие, оказанное мне двором, было показателем моей честности и порядочности, вместо, не приведи Господь, какого-то проступка или измены. Господь миловал меня, ибо я не потратил на себя ни единой марки за тот «BMW» и даже оплатил из собственного кармана расходы на поездку.

Несколько человек хотели отнять у меня эту работу и донесли на меня престолонаследнику, оклеветав меня. Несколько чиновников провели расследование по данной сделке, но вся эта клевета и наговор на меня лишь укрепили мои позиции при дворе.

Ясно, что если где-то все только тем и заняты, что едят из кормушки и еще гребут из нее, и вдруг находится один порядочный человек, то он сразу бросается в глаза и становится объектом пристального внимания. Секретом моего влияния и успеха при режиме Пехлеви была как раз моя честность и порядочность, и больше ничего. В первые несколько лет после революции стал модным лозунг «Порядок важнее связей», который стал притчей во языцех. Но я еще при шахе придерживался порядка и вырос без связей.

Но я не в ответе за режим Пехлеви. Я отвечаю только за собственные поступки. Да, режим Пехлеви притеснял народ, грабил народное достояние, выступал против религии и благочестия, не давал свободы, был деспотичным, порочным, действовал по указке Америки, приносил народ Ирана в жертву собственным интересам и интересам Америки... творил тысячи других преступлений и несправедливостей. Но я-то не был режимом Пехлеви. Я не принимал участия во всех этих притеснениях. Даже внутренне, то есть своим сердцем и душой, я был против этого. Но у меня не было возможностей для каких-либо маневров. Я страдал и терпел. Зачем врать? Я не был революционером. Я не боролся. Но и не сотрудничал с двором. Совершение двух-трех сделок с ним или участие в четырех праздниках, приемах, вечеринках ведь не считается сотрудничеством. Все эти незначительные дела не привели к укреплению опор режима Пехлеви. Те мои друзья, что либо были казнены, либо стали беглецами, приложили руку к его упрочению, я же никакой роли не играл. Какую роль могла сыграть в укреплении режима покупка одного «BMW» для принца?

Кстати, я знаю, где следы того «BMW». После революции его конфисковали. Его хранили в одном гараже на улице Тахте Джамшид. На нем до сих пор никому не дали покататься. Я заметил несколько месяцев назад, что он стоит себе спокойно при свете дня. Мне стало его жаль. Обил все пороги, задействовал все связи, привел все доводы для того, чтобы только это богатство под крышу убрали и берегли. Если за ним правильно ухаживать, он может еще пятьдесят лет бегать и не пикнет. Да еще с какой скоростью! Представь себе – реактивный мотор! Когда я сам сел за его руль в Германии, изумился, как это с такой скоростью он не отрывается от земли и не парит в воздухе.

Простите! Я удалился от темы. У этой машины есть один недостаток – если к ней пристрастишься, то уже до конца жизни от этого не избавишься. И если мне попадетсЯ благородный автомобиль, даже в этом возрасте я не смогу глаз от него оторвать.

Однажды один ученый муж, сидевший рядом со мной в машине, сказал: «У вас подозрительный взгляд на некоторые машины». Я спросил: «Что это значит?» Он ответил: «То есть напоминает похотливый взгляд». И засмеялся. Он шутил, но не заблуждался.

В привычке нет ничего из ряда вон выходящего. В этом мире каждый к чему-нибудь да и питает страсть: один к наркотикам, другой – к женщине, третий – к животному: к собаке, кошке, голубю, канарейке. Кто-то – к машинам. Не сочтите за дерзость! Я имею в виду не сравнение. Пристрастие – вот основа недуга.

И этот недуг привел к тому, что помимо основной работы я открыл автомобильную выставку на улице Бузар Джемехри. Начал с одного магазинчика с одним входом, купленного в кредит, затем скупил соседние магазины, расширил их, разместил там «Мерседес-Бенц» и «BMW». То была мелкая торговля, чистая, без греха и обмана, но, правда, процветающая. Почти от каждой машины прибыль была размером с нее саму. Чему это ты смеешься? Что я такого делал? Не надо разве было брать те деньги, что мне покупатели вручали с радостью и довольством?

Будь уверена, что, если бы не довольство клиентов, революция и меня пустила бы по миру, как сделала это со многими другими. Большинство моих клиентов были добропорядочными торговцами с базара, набожными людьми, игравшими во время революции основную роль.

Рекомендации и признательность таких друзей послужили причиной того, что я остался и при доме, и при капитале своем, и в живых, не стал скитаться на чужбине.

Разумеется, я в долгу не остался и когда смог, оплатил им. И во время революции, и на фронте, на войне; в последний раз послал на фронт пятьдесят машин «скорой помощи».

Это мой ответ на ваш вопрос о том, почему я остался, а остальные сбежали. Почему они сбежали – вот в чем вопрос, а не в том, почему я остался.

Лучше было, чтобы капитал мой конфисковали и растратили, или чтобы я сам оставался при нем распорядителем и с довольным сердцем передал все революции и фронту? Рациональный паритет и довольство обеих сторон.

Если я сейчас и покупаю у государства железо, на могилу отца не несу его, а строю мечети, школы. Допустим, продам два листа железа на свободном рынке и выручку пущу в то же дело, себе в карман не кладу. Да и вообще, какой еще карман? Я говорил своим друзьям: за эти годы мой карман и государственная казна стали одним и тем же. Если совершите выгодную сделку, прибыль пойдет в казну, а если сделка с убытком будет, то для казны будет ущерб. Мы ведь из этого брэнного мира ничего не унесем.

Сколько мне еще суждено прожить, кем бы я ни был, и сколько потратить?

События, связанные с Ками? Слушаюсь, прямо сейчас и расскажу. Кстати, а как это ты угадываешь не произнесенные мной слова и незадаанные вопросы? Наверняка это одна из тех способностей, что ты приобрела на пути духовного озарения. Везет же тебе! Никто из нас таких чудес творить не умеет!

Сразу после того, как я на работу устроился и успокоился от того, что у меня теперь есть небольшой доход, женился, а вскоре после женитьбы стал отцом.

Амене, как ты и говорила, была хорошей женщиной, здоровой, неприхотливой, нетребовательной, послушной и забитой... признаю. Следуя практике и обычаям нашей земли, я притеснял ее. Согласись, что таковы правила. В нашей стране никогда не было равенства и сопутствия между мужчиной и женщиной. Если не хочешь, чтобы тобой помыкали, сам должен помыкать. Даже если с самого начала пойдешь на поводу у самых забитых и безобидных женщин, так тебя обуздают, что до конца жизни пошевеливаться не сможешь.

В совместной жизни поначалу нет абсолютно плохих или абсолютно хороших мужчин и женщин. Если женщина сбавит тон, мужчина будет буйствовать, если же мужчина будет угодничать и проявит смирение, женщина перейдет в наступление.

Да я особо не угнетал Амене. Я взял бразды правления еще в самом начале, чтобы эти бразды не попали в руки целой ватаги женщин.

Хоть ваше дело и правое, но вы судили с женской позиции и сочли меня тираном.

Ками? Ну, он больше был на стороне матери, ибо от меня получал команды – сделай это, не делай того, – а от матери – любовь и ласку. Отсюда понятно, чью сторону займет ребенок и кого будет любить.

Ками был способным ребенком, признаю. Но эти его способности всем задачку давали. Ты разве не слышала, что многие гении в итоге становятся сумасшедшими?

Те, которые его в детстве хвалили за сообразительность и таланты и называли его любознательным, через несколько лет мучились от его назойливости и отвергли его. Я говорю про членов семьи, родных, друзей. Они хвалили его честность и правдивость, но не были готовы и часа вынести его рядом с собой. Потому как он всех их вывел на чистую воду и всех до единого опозорил. Какую кашу он заварил в женской бане, куда с матерью ходил, каким позором нас покрыл!

У любого, окажись он на моем месте, ум за разум бы зашел. С одной стороны это был мой сын, плоть от плоти моей, а с другой – причина моей головной боли, позора и падения авторитета.

Чем старше он становился, тем больше я думал, что проблема больше не в его детском возрасте и неведении. Все его старания сводились к тому, чтобы облить меня грязью перед теми, перед кем сохранить лицо было для меня жизненно важно.

Однажды вечером я пригласил домой одну очень большую шишку при дворе, чтобы за ужином и араком склонить его на свою сторону и заполучить одну концессию.

Прямо здесь я проясню два момента: один – то, что сам я не был пьющим и смачивал губы разве что ради того, чтобы почтить гостей или хозяина дома, но при этом хорошо умел потчевать и вызывать у гостя радость и удовлетворение.

А другой – то, что получать привилегии от придворных не обязательно означало заключать с ними тайный сговор.

Ты наверняка помнишь, что родня или друзья Пехлеви поделили между собой все главные экономические артерии страны, и пока ты не наладишь связь с одним из них, не сможешь провести в жизнь ни одного дела.

Малые дела – пожалуйста. Они были доступны и обычному люду. Но стоило заняться чем-то на порядок выше, без связей нельзя было ничего добиться.

С какой он стороны был и чем занимался, в настоящий момент нам знать не важно. Скажу лишь, что если бы тот сговор осуществился, путь в сто лет был бы проделан за один миг, и не пришлось бы тогда всю жизнь заниматься беготней.

До прихода гостей я сказал Амене: «Сегодня вечером ты должна надеть как можно более закрытую одежду. Я совершенно не хочу, чтобы перед гостями ты была словно голая».

Бедняжка застыла с раскрытым ртом и изумленно взирала на меня. Она была права! Получить подобную рекомендацию с моей стороны было совершенно неожиданно и странно. Во-первых, потому что в принципе у Амене не было такого обычая – нагишом ходить, и ту же чадру и хиджаб она сняла по моему настоянию. И во-вторых, потому что мои слова в корне расходились с тем, что я говорил ей всегда.

Она только стояла и молча на меня смотрела, а я, чтобы избавиться от ее вопрошающего взгляда, ответил: «Этот человек самый бесстыдный, низкий и подлый из всех, что я за свою жизнь повидал. Он знаменит тем, что, куда бы ни отправился, даже кур домашних там не пощадит».

Амене только спросила: «Зачем ты тогда пригласил к нам такого человека?»

Я ответил: «Ради куска хлеба».

Амене сказала: «Нет такого хлеба. Что за нужда у нас такая – брать хлеб из рук такого человека?»

Я закричал: «А это уже не твое дело! Мужчина не может объяснять причину всех своих хозяйственных дел!»

Она ответила: «Хорошо, тебе лучше знать. Мое дело – подчиняться, что я и делаю. Я лишь хотела, чтобы Богу было известно, что мы от тебя больше положенного не просили и не заставляли наживать нечистые деньги».

Я разозлился и закричал: «Где нечистое, женщина?! Я только одну фразу сказал: “Надеть как можно более закрытую одежду!” Скажи: “Слушаюсь!” Здесь не о чем столько спорить и пререкаться...»

Амене сказала: «Слушаюсь!»

Но я, все еще злой, вышел из комнаты и с силой хлопнул дверью. Тогда я увидел Ками, что сидел под дверью и, видимо, все слышал.

Я дал ему хорошего пинка в бок и спросил: «Что это ты здесь делаешь?»

Та сцена до сих пор у меня в памяти, нет, перед глазами стоит. Тогда Ками было лет тринадцать, не более. Ками закусил губы, готовый вот-вот заплакать, и сказал: «Я хотел зайти. Увидел, что вы ссоритесь, и сел здесь, подождать, пока ваша ссора не закончится, а потом уже войти».

В тот момент я пожалел, что пнул его, но, поскольку я никогда не был из числа тех, кто просит прощения и выражает участие, отпустил его и пошел по своим делам.

До чего же хорошо я поступил, что не стал просить прощения! Так как через несколько часов этот сопливый ребенок сделал со мной такое, что я до конца жизни не забуду!

Стряпня Амене, честное слово, была бесподобной. Наш гость отведал ужин, приготовленный ею, и удовольствием срыгнул. Спиртное, выпитое им до ужина, полностью его оживило. А сигара, выкуренная после ужина, погрузила его в приятное расслабление. Присутствие женщины, кружившей вокруг него, словно виночерпий или официантка, привело его в сладкий экстаз. Все уже было готово к тому, чтобы я изложил ему свою проблему и прилепил бы свою лепешку к той горячей печи.

В виде вступления я начал по обычаю расхваливать личность нашего гостя, ту дружбу и глубокую симпатию, что имелась между нами. Я смиренно и искренне объяснял ему, что никогда в жизни не было у меня подобного ему, доброго и безмятежного друга, как вдруг Ками, до тех пор молчаливо и безобидно сидевший в углу, перебил меня словами: «Но, папа, вы же сами сегодня вечером говорили маме, что в жизни своей не видели такого бесстыдного, низкого и подлого человека!»

Не буду говорить, ибо и так ясно, что сотворили в тот миг со мной, с гостем и со всем нашим гостеприимством слова Ками.

С гостя сразу сошло все похмелье; он остолбенел, пришел в замешательство, а потом ярость – это было видно по его вылезавшим из орбит глазам и дрожанию рук. Я взял себя в руки и стал из кожи вон лезть, прилагая невероятные и тщетные усилия, чтобы исправить ситуацию, говоря: «Нет, Ками, дорогой мой! Те слова мои не об этом господине были! Так как ты пришел к самой середине разговора, то не понял, о ком мы говорим!»

Если бы Ками больше ничего не сказал или сказал бы что-то другое, проблему можно было бы до некоторой степени решить. Но все сложилось по-другому. В защиту своих слов Ками непоколебимо продолжал: «Нет, папа! Я не ошибаюсь! Зачем тогда мама надела такую закрытую одежду? Зачем тогда я пошел и спрятал свою любимую курицу, прежде чем он пришел? Потому что вы сказали, что куда бы он ни отправился, даже кур домашних там не пощадит».

Поскольку сказанное Ками указывало на отличительный признак гостя, и он уже слышал раньше эти же слова или что-то подобное, уладить проблему больше не было никакой возможности.

Наш гость внезапно подпрыгнул на месте словно ошпаренный, завопил и принялся ругаться. В тот же миг он выхватил из-за пояса кольт и нацелил его мне в рот.

Господь сжалился надо мной, ибо, услышав его вой, водитель и телохранитель сразу же перепрыгнули через стену во двор, забрали у него кольт, не то он точно уложил бы меня на месте.

Господь сжалился надо мной и тогда, когда оба они – и водитель, и охранник – отнесли все ругательства, что он отпускал в мой адрес, и прицеливание из оружия на счет обычного пьяного дебоша, что повторялся уже не раз, и не поверили ему. А иначе они сами в тот же миг разделались бы со мной.

Гляди, что со мной сотворили те неуместные слова Ками!

Во-первых, он меня лишил той самой судьбоносной концессии. Во-вторых, послал в самое пекло, на смерть, и в мгновение ока состарил меня на целых десять лет. Да к черту все это! В нем поселилась неизменная ненависть ко мне, он пригрозил, что пока жив, погубит мою жизнь... и так и сделал.

Где бы ему на глаза ни попадались мои следы, подстригал мне крылья и приклеивал к моему имени ярлык нежелательного и преступного элемента. Постепенно поле деятельности для меня настолько сжалось, что я занимался экономическими делами в пределах двора лишь под защитой его соперников и противников, да и то в ограниченном виде.

Ты обвинила меня в черствости, но арест – и то лишь домашний – был наименьшим наказанием за проступок подобной тяжести. Любой на моем месте голову бы оторвал этому ребенку.

Ты наверняка понимаешь, почему тем вечером на свадебной вечеринке ваше с Ками приключение для меня так тяжело закончилось, и, безусловно, понимаешь, по какой причине я не стал после этого выслеживать Ками и даже искал ему оправдание.

Эта вечеринка имела отношение к той группе придворных, что приняли меня и помогали.

Инцидент, что произошел несколько лет назад с тем человеком, уже начал было забываться, но Ками оживил его вновь и ослабил меня и на этот раз, погубив остаток доверия ко мне у последних моих друзей при дворе.

И ты посадила себе на шею подобного ребенка и еще расхваливала его?!

Оба эти события послужили тому, что до самой революции я не знал и минуты радости и покоя, дни и ночи проводил в тревоге.

Но нужно отдать должное справедливости: в какой-то момент это принесло мне благо. В любом случае, вражда отдельных придворных со мной дала моим друзьям основание и повод во время революции выхлопотать мне местечко.

Про Камелию я рассказал? Не думаю, что рассказывал. Нет, точно не говорил.

Камелия, или, как вы ее называете, Коукаб, было смысленной девушкой. Она вьюном вилась и в итоге навязала себя одному из близких родственников шаха и уехала в Америку. Сейчас у нее двое детей, которые стали американскими гражданами и проживают там же. Я знаю, как им там живется. Конечно, они не горят ко мне пылкими родственными чувствами. Я иногда звоню им и справляюсь об их делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.